Боевой 1918 год

Автор:
Владислав Конюшевский

Боевой 1918 год

Владислав Николаевич Конюшевский

Фантастический боевик. Новая эра

Опять попаданец. Опять в прошлое. Только все уважающие себя герои попадают в точки бифуркации истории. Этот же попал в то время, когда уже все решено и ничего нельзя изменить. Территория бывшей Российской империи. 1918 год. И что делать, если ему не нравятся ни белые, ни красные, ни даже, прости господи, зеленые. Анархисты, монархисты и прочие «исты» тоже не прельщают. Нацистов (которые еще толком и не вылупились) он вообще не переваривает. Как же быть в этом случае? Кто его знает…

Содержит нецензурную брань.

Владислав Конюшевский

Боевой 1918 год

© Владислав Конюшевский, 2021,

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Глава 1

Пылинки, отлично видимые в свете луча фонаря, довольно густо висели в воздухе, вызывая непреодолимое желание прокашляться или хотя бы задержать дыхание. Но по сравнению с тем, что тут творилось минут сорок назад, это просто земля и небо. Можно сказать, чистый марципан. Здесь ведь, когда мы только скатились в пролом, вообще дышать нечем было. Да и взрывы снаружи не добавляли никакого душевного равновесия. Зато преотличнейшим образом добавляли этой самой пыли, забивающей все что возможно и мерзко скрипящей на зубах. Я в тот момент даже пожалел, что сорванный с головы мешок отбросил в сторону, а не сунул за пазуху. Из него какой-никакой фильтр можно было бы быстренько соорудить.

Хм, может возникнуть вопрос – а чего это я, собственно, с мешком на голове бегал? И о каких взрывах в сугубо мирное время идет речь? Ну что можно сказать? Просто день не задался. Причем даже не сегодняшний, а вот сразу вчерашний и не задался. Ведь именно вчера я нарвался на этих ушлепков…

Водителя они убили сразу. Первой же очередью. Ею же ранили проводника из местных. Я, мирно дремлющий на заднем сиденье, даже среагировать толком не успел, а потом стало поздно метаться. Проводника быстренько добили, а меня, наскоро обыскав и слегка побив, закинули в пулеметный джип и повезли вглубь пустыни. Везли часа два. Потом была остановка и пересадка с джипа в какую-то барбухайку с тентованным кузовом. Хорошо хоть воды дали попить. После чего надели мешок на голову и, связав руки, запихнули в кузов. В этот раз ехали почти без остановок всю ночь. Куда именно, сказать невозможно, так как я перестал ориентироваться в направлении еще во время первой поездки. А уж с мешком на башке так и вообще… Невозможно было даже понять, кто находится в кузове, помимо меня. Но постепенно стало проясняться.

Судя по разговорам, здесь два араба-охранника и еще один человек. И не просто человек, а исходя из междометий, которые он пару раз издал во время наезда на особо большие кочки, пассажир был русским. Или татарином. Или бурятом. В общем, земляком. Правда, когда я попытался с ним заговорить, от араба тут же прилетела затрещина и гневная тирада, из которой можно было догадаться, что незапланированное общение на данный момент не приветствуется. Так и ехали до самого рассвета, по пути влившись в колонну большегрузных грузовиков. Это

я на слух определил да по изменению скорости. А вот на рассвете по колонне долбанули с воздуха.

Сначала шарахнуло где-то впереди. Барбухайка тут же стала тормозить, а взрывы, наоборот, приближаться. Охрана, судя по быстро удаляющимся паническим воплям, нас покинула, и значит, пришло время действовать. Благо руки были связаны спереди, поэтому, содрав опостылевший мешок, я огляделся. Было уже вполне светло, поэтому сразу увидел русскоговорящего пленника. Тот, также стянув с себя мешок, активно крутил седой головой. Поймав его взгляд, я задал лишь один вопрос:

– Земляк?

Седой кивнул и тут же предложил:

– Надо быстро отсюда уходить, а то накроет. Ты как?

Как, как? Каком кверху! Вместо ответа я выскочил из кузова и тут же присел. Ух ты, какая смачная картинка! Впереди, густо чадя, горели три здоровенных наливняка. Еще два, пока целые, стояли на дороге. Только, похоже, недолго им целыми быть, так как пара штурмовиков уже заходили на цель. Что такое атакующие штурмовики, я знал не понаслышке, поэтому, лихорадочно оглядываясь в поисках укрытия, закричал:

– Валим! Валим! Валим!

После чего мы вдвоем рванули к обочине. Ну как к обочине… Вокруг по-прежнему простиралась эта долбаная каменистая пустыня, да и дорогу дорогой можно было назвать очень условно. Так – направление. Поэтому понятно, что кюветов там никаких не было, и мы просто побежали прятаться за небольшой холмик, возвышающийся метрах в пятидесяти от грузовика. И в этот момент опять загрохотало.

Пришлось падать куда придется. Причем недалеко от нас залег какой-то бармалей, прибежавший от основной колонны. Видно, тоже за холм стремился свалить. Не водила, так как на нем присутствовали разгрузка и прочий боевой обвес. Автомата, правда, не было. Наверное, оружие воину аллаха мешало быстро передвигаться, вот он его и оставил где-то там.

И тут вдруг я увидел, что буквально в нескольких шагах от нас почва ссыпается в какую-то щель. Довольно узкую щель, но места спрятаться должно хватить. Судя по всему, там, под землей, промоина или еще какая пустота была, а от близких взрывов ее и вскрыло. Даже не думая о глубине получившейся дырки, я пихнул коллегу по несчастью и на четвереньках поскакал к спасительному провалу. Почему спасительному? Да потому что сейчас самолеты доработают ФАБами и вот потом от души причешут НУРСами. И никакие холмики не спасут. Опыт есть. Видел я уже такое. А в этой щели шансы возрастают многократно. Еще в плюс – тут хоть и небольшое, но видимое повышение рельефа, так что разлившаяся с цистерн горючка сюда не должна дотечь.

Бармалей, что характерно, тоже заметил место возможного спасения, и мы с ним столкнулись уже возле края щели. Он попытался меня отпихнуть, но тут уже было не до сантиментов, поэтому я, ухватив его связанными руками за лямку разгрузки, сразу влепил лбом в тонкий, хрящеватый нос. Араб потерялся, начав заваливаться на спину. Я его не отпустил, и мы, чуть не застряв на входе, вместе заскользили куда-то в глубь земли. Успела мелькнуть мысль: «Что-то долго падаем», но проехав буквально метра четыре и немного пролетев по воздуху, наша слипшаяся парочка шлепнулась на землю.

Света было очень мало. Пыли было очень много. Не обращая на все это внимания, я, сцепив руки, принялся лупить лежащего подо мной бармалея по морде. Тут ведь вариантов нет. Если он хоть немного очухается, то тупо меня на колбасу пошинкует. Видел я у него на обвесе мясорез внушительного размера. Так что нельзя ему давать отвлекаться. В этот момент, больно ударив по спине ногой, на нас свалился мой седовласый земляк. Хорошо еще он долго рассусоливать не стал, а подобравшись сбоку, вытянул нож у противника и довольно умело ткнул им вражину в бок. Тело подо мной несколько раз дернулось и, вытянувшись, замерло.

Я же, переводя дух, так и продолжая сжимать труп коленями, лишь выпрямился и протянул вперед связанные руки. Напарник только успел перерезать веревку, как наверху шарахнуло совсем уж запредельно. Меня даже на какое-то время вырубило. И это под землей! Что там наверху творится, даже и знать не хочу. А когда очухался, вокруг была тьма тьмущая. Грохот разрывов слышался приглушенно, зато сотрясение почвы ощущалось хорошо. Пытаясь вздохнуть, закашлялся и, сплюнув в сторону, спросил:

– Это что такое было?

Невидимый в темноте земляк завозился и, также кашляя, ответил:

– Кажется, ничего хорошего. Похоже, бомба разорвалась совсем недалеко и наше укрытие завалило.

– Ну-ну! Без паники. Если б завалило, то мы бы сейчас не разговаривали. А так, похоже, просто ту щель сверху немного засыпало. Подождем, когда все утихнет, и раскопаемся. А сейчас давай жмурика на предмет ништяков осмотрим.

Остывающий бармалей, помимо всего прочего, одарил нас довольно неплохим светодиодным фонариком. Но один фиг, ничего видно не было. Пыль стояла сплошной стеной. Поэтому, стараясь особо не дышать и натянув одежду на голову, мы стали дожидаться окончания штурмовки. Какое-то время сидели молча, потом я не выдержал:

– Тебя как звать-то, путешественник?

Напарник завозился, кашлянул куда-то в глубь одежды и ответил:

– Зови Иваном, не ошибешься.

– А меня Чу… э-э-э, Артемом кличут. Будем знакомы.

На ощупь найдя ладонь Ивана, пожал ее. Опять помолчали, прислушиваясь к канонаде. Земля тряслась уже не столь активно, и многоопытный седой предположил:

– Похоже, НУРСами полируют.

– Похоже… Слушай, земляк, а ты вообще чьих будешь?

Мой вопрос был, конечно, на грани. Особенно для здешних широт. Поэтому собеседник ответил обтекаемо:

– Государев человек.

Я хмыкнул, но уточнять не стал. Сказано вполне достаточно. Тут или спецы, или «консерватория»[1 - Консерватория – Военная академия МО РФ (бывшая военно-дипломатическая академия).]. А может, вообще «слово и дело». Или еще несколько не менее интересных организаций. Но разница не очень большая. Главное, тот факт, что мужчина под погонами. А исходя из возраста, под солидными погонами. Минимум полковник, а то и выше бери.

Иван, в свою очередь, поинтересовался:

– А сам-то?

– Не… я вольный стрелок. Под этот замес вообще случайно попал. Приехал по делам фирмы и в дороге налетел на диких. Они меня сразу не шлепнули, только потому что бледнолицый. Ну а потом, видно, решили захваченного русского более высокому начальству передать…

Иван недоверчиво хмыкнул и затих. А я только плечами пожал. Правильно человек делает, что не доверяет. Да и мне не с руки всю правду говорить. У каждого свои секреты. Вот пусть они секретами и останутся.

Так, потихоньку прощупывая друг друга, и провели время. Бомбежка давно прекратилась. Постепенно пыль более-менее улеглась и появилась возможность дышать, не заходясь в кашле после каждого вздоха. Мы вынырнули из своих коконов, с целью сделать обследование на предмет самовыкапывания и осторожной разведки местности. Только вот стоило вдумчиво осветить потолок пещерки, как выяснилось, что наши дела не просто плохи. Нам, можно сказать, кирдык настал.

Начнем с того, что это вовсе не естественная полость. Это оказалось искусственное сооружение из здоровенных базальтовых блоков. В смысле – стены из блоков, а потолок – из не менее солидных каменных плит. И теперь в том месте, откуда мы сюда скатились, был не завал из земли, а две плиты. Одна лежащая боком, а вторая торцом. В торце видимая толщина внушала уважение. Такую плиту не всякий отбойный молоток возьмет. А главное, нигде не видно земли, в которую можно было бы забуриться. Эти четыре-пять метров до поверхности мы бы ножом, когтями и зубами прогрызли. Но нас окружал лишь

камень, а та куча земли, насыпавшаяся сверху еще до закрытия убежища, тоже лежала на каменном полу. И теперь наше чертово убежище превратилось в склеп.

Когда я это осознал, в истерику не впал только потому, что стало неудобно перед седым. Поэтому, запихнув внутрь пытающиеся вырваться из глотки вопли, маты и возможно даже слезы, просто сполз вдоль стенки и уселся на пол, тупо глядя перед собой. Да уж… всякое в жизни бывало, но чтобы закончить свои дни, будучи заживо похороненным где-то в жопе мира, я никак не рассчитывал.

Иван тем временем, видно на что-то надеясь, неутомимо обследовал место завала. Хотя чего там смотреть? И так все ясно… В конце концов, устав подпрыгивать и ковырять потолок, он тоже опустился рядом со мной. Помолчали. Потом он тусклым голосом спросил:

– Как считаешь, мы еще в Сирии или уже в Ираке?

Я вздохнул:

– Черт его знает. Слишком долго ехали. Может, и до Ирака довезли. Одно могу сказать точно – мы под землей. Из жратвы только два трофейных «сникерса». Из воды – неполная фляга с бармалея. Дней пять протянем…

Седой покачал головой:

– Уже завтра наш ближневосточный друг начнет активно разлагаться. Помещение совсем небольшое. Мы тут с ума сойдем от вони.

Я равнодушно пожал плечами:

– Ну, есть еще нож. Ты им работать умеешь. Я тоже. Как станет невмоготу, так всегда можно будет воспользоваться. Могу даже первенство уступить, если хочешь…

Напарник мрачно посмотрел на зажатый в своем кулаке клинок и внес контрпредложение:

– Погодим пока с грехом самоубийства. Ты вон туда глянь, – Иван посветил на дальнюю стену. – Видишь, там на стене узор, как будто арка выложена? И внутри этой арки не блоки, как на стенах, а кирпичи. Ну, то есть блоки, конечно, но гораздо меньшего размера. Может, там какое-то помещение было? Которое потом запечатали?

Я пару секунд вглядывался туда, куда показывал седой, а потом, молча вытянув нож из руки Ивана, пошел к противоположной стене. Хм, действительно… Большие блоки имеют видимый размер где-то метр на шестьдесят. Значит, можно предположить, что и в глубину тоже шестьдесят. Скреплены между собой на каком-то известковом растворе. Длина клинка у нашего ножа сантиметров тридцать. То есть ковырять раствор на больших блоках бессмысленно. Недоковыряем. А тут в арке уложены блочки размером чуть больше стандартного кирпича. Так что все должно получиться! И я очень надеюсь, что там нет никакой комнаты, а будет просто земля. Уж землю-то мы прокопаем до самого верха. Ну, а если не повезет и будет ход в другое помещение, что же… Будем смотреть дальше. Во всяком случае, надежда появилась. А вместе с ней и угасшие было силы.

Пока эти мысли крутились в голове, я уже остервенело, но при этом по возможности аккуратно (не дай бог лезвие сломается) начал шкрябать окаменевший раствор между кирпичами. Царапалось медленно, но горка пыли под ногами росла и росла. Потом меня сменил Иван. Потом я его. В общем, сколько времени мы возились с первым кирпичом, сказать затрудняюсь (так как часы, телефоны и прочие полезные вещи у нас прихватизировали шустрые арабы). Но в конце концов упорство победило, и каменный брусок был извлечен из стены. Я тут же сунулся к дырочке с фонариком. Несколько секунд разглядывал открывшуюся картину, а потом, передав фонарь напарнику, озвучил обуревавшие меня чувства:

– Вот же сука!

За стеной была не земля. Там была другая комната.

Седой как смог утешил:

– Ничего, ничего! Сейчас туда попадем, глядишь, и там что-то увидим. Тут главное много кирпичей не выламывать. Сделаем лаз – только чтобы пролезть. А

потом обратно заложим. Так мы от нашего запашистого друга и избавимся.

Бармалей, лежащий в углу и насколько возможно присыпанный землей, которая нападала, когда мы сюда только провалились, уже пусть еле ощутимо, но пованивал. Поэтому увеличив скорость, мы приступили к дальнейшим работам. Сейчас дело пошло заметно быстрее, и в конце концов я, как более худой, скользнул в отверстие. Осветив помещение, выругался. Просматриваемого выхода не было. Комната была уже не комнатой, а целым залом. Посередине стояли какие-то невысокие, но широкие постаменты, в количестве трех штук. Постаменты были покрыты затейливой резьбой. Стены тоже были украшены фигурными завитушками и прочими украшательствами. Да еще и раскрашенными. Но все это великолепие разбивалось о то, что оно было нанесено на блоки! Причем блоки были как бы не больше по размеру, чем предыдущие. Утешало одно – я уже увидел еще одну заложенную арку, которую можно вскрыть.

В общем, перебрались мы в этот зал. Перетащили все необходимое. А потом дружно погадили в предыдущем месте обитания. После чего быстренько поставили на место кирпичи и зашпаклевали щели предусмотрительно снятыми с араба шмотками. Распустили их на ленточки и зашпаклевали. Теперь, во всяком случае, смерть от трупного смрада нам не грозит. Закончив труды, съели по кусочку «сникерса» и смыли мерзкий привкус заморского лакомства парой глотков из фляги. Попутно стали обследовать помещение. Нет, фронт работ и так был понятен – вон та арка. Но мы уже устали как собаки. Во всяком случае, я – точно. Сами посудите – вчера меня захватили. Следом бессонная ночь. А теперь уже, наверное, время к вечеру – вот глаза и слипаются. Иван вон тоже зевает с подвыванием, правда, деликатно прикрываясь ладонью.

Вдруг напарник, который уже подошел к одному из постаментов, застыл над ним и пробормотал себе под нос:

– Хм… странно…

Я заинтересовался:

– Чего там?

– Да вот. Сам посмотри.

Посмотрел. Действительно, странно. Постамент оказался не совсем постаментом. Скорее, какой-то непонятной ванной. Высотой он был сантиметров сорок от пола. Внутри было довольно большое углубление. А на дне с большим искусством вырезана… как бы это точнее сказать, задняя анатомическая часть тела человека. В общем, место для пяток, ног, попы, спины, лопаток, шеи и головы присутствовало. Я пощупал фигурные углубления и восхищенно констатировал:

– Ого! Надо же, как качественно все сделано. Интересно только – зачем?

Иван кашлянул и ответил:

– Интересно не зачем, а почему? Почему тут нет пыли?

Опаньки. Слона-то я и не приметил. Здесь действительно всюду была пыль. Но не в ванне. В смысле снаружи и на завитушках пыль была, а вот внутренности постамента масляно поблескивали темно-зеленым полированным камнем с какими-то будто металлическими искорками. Смотрелось очень красиво, но совершенно не объясняло факт отсутствия пыли. Немного поломали над этим голову, но к какому-либо выводу так и не пришли. Зато обнаружили, что ванны разные. В смысле изнутри у них разные цвета. Уже виденная нами зеленая, а также темно-фиолетовая и темно-красная. Там тоже пыли никакой не было. В конце концов, устав делать предположения, признался:

– Блин, я просто срубаюсь на ходу. Может, поспим?

Напарник с этим предложением согласился. Место для сна даже не обсуждалось, и поэтому, выбрав сразу понравившуюся мне темно-зеленую ванну, завалился туда. Иван, еще немного поковырявшись снаружи (наверное, пытаясь понять, куда же девается пыль), залез в соседнюю. К этому времени я уже практически спал.

Небольшое отступление – 1

Механизм, попавший на Землю вместе с аварийным кораблем предтеч, за прошедшие тысячелетия сильно сдал. Для условий стерильности космического

корабля и миллионы лет не срок, но вот на поверхности планеты с довольно агрессивной атмосферой и универсальным растворителем в виде H

О несколько тысяч лет было очень солидным возрастом. Тем более что последнее обслуживание проводилось последним же хозяином-предтечей почти пять тысяч циклов назад. С тех пор искин как мог поддерживал общую работоспособность. Только у него не получалось поспеть всюду. Выходили из строя пикторемонтники. Сыпались куэнги. Трескались дэсы. Потихоньку отмирала биопроводка и деградировали аккумулирующие емкости. Но сильно сдал – это не значит, что он стал ни на что не годен.

Поэтому, как только сенсоры показали, что в гелитеги произошла загрузка объектов, искин тут же начал действовать. Выпустив сканирующее облако иоктодроидов, приступил к первичной обработке данных.

Если бы на это кто-то посмотрел со стороны, то увидел бы, как емкости сначала одного, а потом и второго гелитегов стали быстро заполняться перламутровым туманом, который принялся активно растворять одежду на людях…

* * *

Сны мне обычно снятся разнообразные и разнонаправленные. Некоторые даже интересные. Но то, что я видел сейчас, не лезло ни в какие рамки. Сначала снилось, будто я, совершенно голый, завис в переливающемся облаке. При этом голос, сильно похожий на женский, что-то умиротворяюще бубнил на певучем непонятном языке. Потом, прямо на облаке, стали появляться графики и диаграммы. А голос из умиротворенного становился все тревожнее и тревожнее. Я старательно силился понять, что же мне говорят, только вот ничего не получалось. Да и сам несколько взволновался, когда в облаке появилась фигура человека с моим лицом, которая по мере возрастания тревожного бубнежа стала закрашиваться черным и красным цветом. В конце концов, не выдержав, завопил:

– Ну не понимаю я тебя! Ты по-русски молви, чего хочешь-то?

Голос на секунду замолк, а потом мне в голову стали вливаться образы и ощущения. Сначала тоже было непонятно, но потом потихоньку разобрался, что

же до меня пытаются донести. В общем, если коротко резюмировать, то, судя по всему, я попал под удар генного оружия Зелахирдов. Оное оружие меня практически убило, так как по контрольным (генным же) меткам мне не более пятидесяти лет, а вот по общей изношенности организма никак не менее полутора тысяч. А все потому, что совершенно перестали работать внутренние регенеративные установки. Плюс ко всему практически полностью заглушена глубинная память. Напрочь выбиты экстрасенсорные возможности. Ну и до кучи – полный букет всех потерь, сопровождающий пострадавших от рук (или что у них там?) зловредных Зелахирдов.

Но! – в этом месте я оживился – всё исправимо. Единственно, у Сатихаарли (это самоназвание голоса) сейчас нет таких средств и препаратов, которые меня излечат моментально. Но уже синтезированы и постепенно вводятся иоктодроидами все необходимые вещества и программы, которые доведут меня до оптимума за какие-то жалкие несколько циклов. На мой осторожный вопрос «Несколько это сколько?» был дан ответ, что что-то начнет действовать почти сразу. Что-то будет постепенно разворачиваться в течение трех-пяти лет. Но, как бы там ни было, она гарантирует, что через двадцать-тридцать циклов я буду как новенький и ничем не буду отличаться от остальных нормальных предтеч. Мне польстило сравнение с неведомыми, но могучими существами, только сильно смутил временной разброс. Несколько лет и тридцать лет это две большие разницы. Можно сказать, даже огромные. Хотя, если они живут по паре-тройке тысячелетий, то тридцатник для них – это ничто. Как для нас – неделей больше, неделей меньше, особой роли не играет.

До чего же интересный сон! Логичный такой. Цветной. Звуковой. И даже с запахами. Правда, запахи какие-то странные. Как будто паленым несет… Только я это осознал, меня вдруг пронзило чувство сильной опасности. Да и голос будто даже взвизгнул, а радужное облако, вспыхнув ослепительным бело-сиреневым цветом, поглотило все остальное, отрубив и звук, и цвет, и запах. В общем – кино кончилось.

Интересное было. С приятным послевкусием, которое не испортил даже финал. Правда, осталось сожаление, что некоторые полосы загрузки исправлений не дотянули до ста процентов, остановившись – какие на шестидесяти, какие на восьмидесяти. А некоторые и на девяносто. Хотя и стопроцентных хватало. Но вот недотянувших было все равно жалко…

Небольшое отступление – 2

Нефть – это не бензин. Она и горит долго, и гасится плохо. А если горят несколько десятков тонн, то тут уж совсем не до шуток. Вышло так, что схрон последнего предтечи не был рассчитан на бомбардировку. Это ведь не основное убежище, которое даже удар из космоса выдержит, а так – просто один из многих тайников на черный день. Вот и разошлись немного плиты, прикрывающие искин и оборудование. Искин-то ладно. Его защитный корпус не каждая плазма возьмет. А вот аккумулирующие емкости и биопроводка… Емкости были полны, но дефектны. Проводка вообще дышала на ладан. Поэтому, когда туда постепенно стала просачиваться горящая нефть, пошла реакция.

Решение Сатихаарли приняла практически мгновенно. При одномоментном высвобождении энергии из накопителей биообъекты, которые сейчас лежат у нее в гелитегах, будут уничтожены. Это без вариантов. Поэтому был сконфигурирован портал, должный перенести больных за сотню километров отсюда. Но искин был уже несколько поврежден. Да и весь комплекс тоже был не ахти. Плюс от нарастающего жара стали плыть цепи. Вот и вышло, что вместо пространственного прокола был получен темпорально-пространственный. Конечно, будь накопители исправны, ничего бы не получилось. Но так совпало, что они пошли вразнос, и энергии взрыва с лихвой хватило и на пространственный, и на временной перенос. Со стороны это смотрелось, как будто сиреневый купол стремительно накрыл сначала красную, потом фиолетовую, а потом зеленую гелитегу. Люди из них исчезли, а в следующую секунду та самая, оставшаяся «лихва» сдула разбомбленную колонну с земли и смяла все, что было под землей…

Глава 2

Пробуждение было каким-то хреновым. И очень странным, особенно учитывая, что засыпал я одетым, в каменной ванне и под землей, а проснулся голым – в холодной луже и под открытым небом. Чуть позже, при ближайшем рассмотрении, лужа оказалась небольшим озерцом. Да и местность вокруг, даже с натяжкой, не походила на Ближний Восток. Хотя что значит «чуть позже»? Когда я плюхнулся в воду (глубина где-то по колено), то, путаясь во внезапно ослабевших ногах, вскочил и стал ошарашенно оглядываться. Озеро. Кусты.

Деревья. Звуки проходили как сквозь вату, но с каждой секундой уши откладывало, слышимость становилась лучше, и до меня дошло, что вот это «тр-тр-тр» и «пух-пух» очень быстро превращаются в «ду-ду-ду» и «бах-бах». То есть где-то совсем недалеко заливается длинными очередями пулемет и ему вторят одиночные хлесткие выстрелы. При этом звук работы пулемета потрясающе напоминал работу «максима». Приходилось как-то иметь с ним дело в… А, не важно. Скажем так – в одной небольшой стране.

Все это осозналось за какие-то пару секунд, а потом я увидел, как из-за возвышенности, перед спуском к озеру, выскочили несколько человек. Довольно замысловато одетых. Кто в форме, сильно напоминающей старую, еще Российской империи, кто вообще по гражданке. Но «гражданка» тоже с претензией – там и косоворотки присутствовали, и какие-то головные уборы, при взгляде на которые почему что вспоминалось слово «картуз».

Выскочившие бежали к озеру и, не сбавляя скорости, влетели в воду. Все это происходило метрах в пятидесяти справа, и я разинув рот наблюдал, как бегуны, высоко задирая ноги и поднимая фонтаны брызг, стремятся уйти подальше от берега. Но они не успели, так как из-за холмика появились всадники и начали активно отстреливать бегущих. Стреляли из винтовок, быстро передергивая затворы после каждого выстрела. Закончилось все буквально после второго залпа, так как пеших было пятеро, а всадников восемь. И стреляли они довольно метко. А после того, как противники ушли под воду, внимание конников переключилось на меня. Ну а чего бы ему не переключиться? Больше никого рядом не видно, а тут я торчу как перст, по колено в воде. Да еще и в чем мать родила. Но думаю, именно из-за общей обнаженности меня и не шлепнули сразу. Заинтриговал их столь необычный натюрморт. Всадники направились ко мне, а я со все большим удивлением начал понимать, что лицезрею самых обыкновенных казаков. Все было в комплекте – кони, лампасы, шашки, чубы, фуражки.

Подъехав ближе, один из них, с погонами младшего сержанта (или как там у них это называется?), хрипло произнес:

– Эй, старый! А ну, ходь сюды!

Ну да. Старый это я. Голова-то у меня бритая, зато бородка и усы седые. Да и внешнее состояние… В общем, как сказала Сатихаарли – общий износ организма на полторы тысячи лет… И тут вдруг я застыл. Блин! А что если тот сон и не сон вовсе? Ведь я сюда каким-то образом из пустыни попал? Казаки опять-таки… Но

мысли ворочались необычайно тяжело, да и не до раздумий было, потому что сержант повысил голос:

– Ты там оглох?

Пришлось идти. Быстро не получилось, потому что тело ощущалось как не свое. Как будто я себя всего от макушки до пяток отлежал. Подошел почти вплотную, разглядывая всадников и ощущая тяжелый дух лошадиного пота. А их главный спросил:

– Кто таков? Чегой-то тут делаешь?

И вот тут случилась засада. Я, в общем, был готов хоть что-то ответить, но вместо членораздельной речи смог только промычать:

– Эуаун. Ы-ы-ы.

– Чо?

Сержант был удивлен, и я попытался исправить положение:

– У! У! Ы-ы-п! Ва-ва-ух!

М-да… Исправить ничего не получилось. При этом даже на испуг пробило – что же такого в башке испортилось, что я говорить разучился? Но и испуг был какой-то вялый. Ё-мое! Вот полное впечатление складывается, что меня всего наркотой или обезболивающими накачали. Так может, и все окружающее это глюки? Не… какие глюки бывают, я знаю. И происходящее на эти глюки не походит совсем. Тем временем выяснилось, что мое мычание может даже на пользу пойти, так как один из казаков предположил:

– Можа то юродивый? Али контуженый.

Влез второй:

– Не должон. С пушек-то сегодня не били. В сабли комиссаров взяли.

Подключился третий:

– А вот второго дня батарейные их хорошо приложили.

Первый презрительно сплюнул:

– Агась… Это ж аж под Ресвой было. И он оттеля как есть, голяком притопал.

В конце концов, немного поспорив, чубатые решили, что юродивый я или контуженый, пусть более подкованные в этом люди разбираются, после чего погнали меня куда-то за холм. Идти было колко. Я на каждом шаге подпрыгивал, шипел и пытался причитать. Но вместо причитаний из меня вылетали лишь какие-то неудобоваримые звуки. Зато зоркий младший урядник (это я подслушал, как к сержанту другие обращались) заметил:

– Ха! Гля, как скачет. Похоже, ентот фрукт завсегда в обувке ходил. Нема у него привычки к земле. Так шо вряд ли юродивый… ну да нехай. Контрразведка и не таких разъясняла…

Вот ведь зараза, и не объяснишь ничего! Да я уже особо и не пытался. Доставят к контрикам, а там видно будет. Не получится языком сказать, так напишу. Блин! А вдруг я и писать разучился? Под эти невеселые мысли меня доставили до телеги, на которой восседал престарелый казак. А на самой телеге была навалена какая-то старая обувь, представленная сапогами да ботинками. Свисали брезентовые ленты, похожие на обмотки и, судя по всему, таковыми и являющиеся. А также шинели, гимнастерки, шаровары и пиджаки. Невзирая на обстановку, я даже восхитился хозяйственности станичников. Это ведь они трупы сегодняшние ободрали до исподнего. Вон, водитель телеги поинтересовался судьбой убежавших и, узнав, что те утопли и их не стали вытаскивать, только огорченно махнул рукой.

Потом урядник, показывая на меня, что-то прошептал старому. Тот остро оглядел пленника, а потом определил место на телеге. При этом, покопавшись в глубине тряпья, кинул мне какой-то старый мешок:

– Накось. Мудя прикрой. К людям поедем. Там бабы с ребятишками, а тут ты весь такой красивый… И гляди мне – начнешь шутковать, кишки выпущу.

С этими словами казак извлек из голенища грязноватого сапога небольшой, но хищно выглядевший нож, ловко крутанул его между пальцами и спрятал обратно.

– Ы-ы! Оуым. Иыык.

Это я пояснил, что шутить совсем не собираюсь, но мне нужна некоторая помощь с его стороны. Тот не понял. Я стал показывать жестами. В конце концов до станичника дошло, и, забрав у меня мешок, он своим угрожающим ножиком ловко прорезал в гнилой мешковине три отверстия. Для головы и для рук. Во! Совсем другое дело! Я тут уже подмерзать потихоньку начал. Хотя вот что удивительно. Снега не видно, но явно либо ранняя весна, либо поздняя осень. Деревья и кусты без листьев. И температура совсем чуть-чуть в плюс. Я голый. Но при этом особого дискомфорта не испытывал. Да тут любой бы уже околел, а мне хоть бы хны! Или это уже привет от Сатихаарли начал действовать?

В общем, напялив на себя мешок (который, словно школьное платьице первоклассницы, целомудренно прикрыл коленки), я стал походить на сильно потасканного Рэмбо из первой части. Не хватало только штанов и повязки на голове. С другой стороны, хрен бы с ней с этой повязкой. Пригревшись среди шмоток и продираясь сквозь тяжело ворочающиеся мысли, стал обдумывать, что вообще произошло и почему меня это так мало волнует? Жил себе не тужил до 2018 года. И вдруг, после сна, оказался черт знает где и непонятно в каком времени. Ну, по времени можно определиться. Казаки, комиссары, контрразведка. В вилке от семнадцатого до двадцать второго года. Вопрос «где?» тоже понятен – территория Российской империи. Судя по погоде, нахожусь где-то на юге. Ставрополь. Ростов. Новороссия. Малороссия. В общем, где-то в этом районе, плюс-минус лапоть по карте. Остается вопрос – «как?». Как это все могло приключиться? Сколько ни ломал голову, у меня только одна гипотеза осталась – сон.

То есть сон был вовсе не сном. И ванна та не ванна, а какой-то сложный прибор, оставшийся от пришельцев или какой-то забытой древней цивилизации. Хотя сдается мне, пришельцы и древние цивилизации, могущие создавать подобные механизмы, – это одно и то же. Я в этом уверен, так как для этого есть все основания. Что за основания? Находки разные и очень интересные. Правда, не мною найденные, а коллегами из других фирм.

У конторы, в которой я имел честь трудиться, был несколько иной профиль. Мы в основном презренный металл искали или то, что может стоить действительно хороших денег. Уточняю – не затертые одиночные монетки и не сплющенные позеленевшие самовары, а именно полноценные клады. По всему миру. С серьезной работой в архивах и с не менее серьезной подготовкой. Вот на этом я свой первый зеленый лям сделал. Почти без всяких нарушений закона и с выплатой всех положенных налогов. Последние шесть лет сие и было моим главным увлечением. А до этого…

Ну, много чего разного было. А что вы хотели от детдомовца с русским именем Артем, странным отчеством Владленович и интригующей фамилией Чур. Так как я был подкидышем, то имя досталось от нянечки (спасибо тебе, вменяемая, добрая женщина), отчество от завхоза (спился и умер до того, как я начал что-то соображать), а фамилия от заведующей (которая на тот момент как на грех фанатела от всего древнеславянского). Воспитанником я был проблемным и в первый раз сделал ноги из учреждения в десять лет. Ненадолго. Потом бегал чаще и дольше. Самая большая эпопея – это полгода жизни в забайкальском поселке (зато там научился хорошо ездить на лошади, да и настрелялся вволю) и три летних месяца с выездным цирком-шапито. В цирке, правда, прижился совсем неофициально, но зато знаний почерпнул – мама не горюй!

После детдома – токарем на завод (у нас УПК было по этой специальности). Доработал до третьего разряда, после чего был скоропостижно призван в непобедимую и легендарную. А там – учебка в Марах – и здравствуй, ДРА. Итог – длинный шрам от пули на руке, дырка от осколка на ноге, Красная Звезда и ЗБЗ. Ну, а на сладкое – погоны старшего сержанта. После дембеля героический воин-интернационалист на завод не вернулся, а двинул в институт, на машфак. Уж очень мне оружие нравилось и остро захотелось приложить руку к его созданию. Школьных знаний у меня было ноль, но зато были льготы, поэтому в институт приняли. Я даже до третьего курса продержался, пока окончательно не понял, что хоть как-то, переводом, попасть к конструкторам-оружейникам мне не светит. В итоге приключился большой загул и как итог – отчисление. А чуть позже первая чеченская подоспела…

В военкомате договорился довольно быстро, и поехал свежеиспеченный «контрабас» на свою вторую войну. Там поначалу совсем не понравилось, но потом наткнулся на очень интересных ребят из спецуры – и все стало «в елочку». Итог – нововведенный орден Мужества и поверхностное знание чеченского языка. Дырок дополнительных не приобрел, зато обзавелся очень,

очень и очень полезными знакомствами. Именно благодаря этим знакомствам обогатился мозгами, приобрел правильный взгляд на жизнь и восстановился в институте. Закончил его. Так как была военная кафедра – получил звание. Ну а если учесть, что армейские связи вовсе не терялись, а друзья и командиры к этому времени превратились в весьма солидных людей, то жизнь стала насыщенной и интересной. Мотался по всему миру, блюдя интересы не только свои, но и государства. Об этом обычно вслух не говорят, поэтому и я конкретику опущу.

Но потом дало о себе знать осложнение после малярии, подцепленной в достаточно экзотической африканской стране, силы стали уходить, прыть снижаться, и шесть лет назад мне предложили работу в одной очень интересной организации. Вернее, таких организаций было несколько. И представляли они собой, скорее, эдакие клубы по интересам. Но чисто для своих. Тех, кто, по разным причинам, уже не мог с полной отдачей приносить пользу стране на прежнем месте. Но и к кабинетной работе тоже был не приспособлен. Так сказать, для престарелых и не очень престарелых живчиков с сильно развитой авантюрной жилкой. Вот я из всего разнообразия и выбрал контору, занимающуюся поисками разнообразных кладов. Ну не прикалывало меня гоняться за летающими тарелками, следить за экологией в Гренландии или заниматься спасением синих китов. Финансирование поначалу шло от добровольно-принудительных спонсоров (наподобие того, как впоследствии финансировали сочинскую олимпиаду), но потом, ко всеобщему удивлению, конкретно наша организация стала приносить прибыль.

Высокие государственные мужи были этим фактом очень удивлены (ведь мы создавались вовсе не деньги делать, а служить прикрытием для спецслужб), но на прибыли не претендовали – для них это копейки. А я с тех пор там и обитаю. Специализируюсь на бывших английских, французских и испанских колониях. И в Сирию, действительно, приехал по делам конторы. И на духов мы нарвались совершенно случайно. Во всяком случае, хочется так думать, потому что если они ждали конкретно меня, то все очень плохо и где-то наверху, в Дирекции КР, сидит «крот».

Да ладно. Это дело уже прошлое, а вот настоящее… Так – если действительно предположить, что Сатихаарли не плод моего больного воображения, а суровая реальность, то получается очень интересно. Особенно со сроками жизни, глубинной памятью и прочими ништяками. Только что же именно та говорящая штука напутала, из-за чего я разговаривать разучился и тело как чужое

ощущаю? Может быть, это потому, что не все в меня загрузилось? Я ведь видел на облачном экране – некоторые полоски не дошли до конца. Хотя вряд ли. Ну не должно быть хуже, чем было! По-любому не должно!

С другой стороны, там чем-то паленым стало вонять. А зная, что наверху разлилось черт-те сколько горящей нефти, могущей повредить тонкую старинную машинерию, то можно прикинуть, что именно из-за этого все по звезде пошло. Охохонюшки… вот такого совсем бы не хотелось. Неужели теперь до конца дней так и буду мычать и ыкать? Очень хочется надеяться, что очухаюсь…

Про сам факт переноса во времени я даже не задумывался. Это относилось к разряду вопросов: «почему в той ванне не было пыли?», то есть в принципе нерешаемых. Поэтому зачем голову ломать? Также не особо задавался вопросом относительно моего невольного напарника. Куда он делся? Да кто его знает? Или в ванне остался. Или в палеозой перенесся. Факт то, что его здесь нет. А на нет и суда нет. Сейчас лучше бы обдумать свое поведение в контрразведке. И что именно я контрикам писать (если сумею) буду.

Но особо обдумать линию поведения не получилось, так как незаметно для себя уснул. А когда проснулся, выяснилось, что мы приехали. Ну, не то чтобы прямо совсем приехали, а въехали в небольшой городок, или крупную станицу.

– Ык. Ух ух буэ?

Это я попытался поинтересоваться названием данного населенного пункта. Возница меня понял несколько превратно и, сурово качнув кнутом, ответил:

– Раньше надо было думать. А нонче терпи. До тюрьмы недалече осталось. Там и опростаешься.

Ну нет слов. Осталось только развести руками. Казаки же тем временем умчались куда-то вперед, лишь самый молодой продолжал сопровождать телегу. А мне осталось крутить головой, впитывая в себя российские реалии столетней давности. Ну, в принципе, реалии как реалии. Асфальта нет. Брусчатки тоже нет. Дорога – обычная грунтовка с ямками и ямами. Те ямы, которые поглубже, засыпаны щебнем. Неглубокие не засыпаны ничем. Вдоль дороги стоят дома. Деревянные, одноэтажные. При этом разной длины. На два

окна. На три окна. На пять окон. Заборы в наличии. Где-то из почерневших досок. Где-то из вполне нормальных.

По обочине бегают редкие куры, активно разыскивая чего бы пожрать. Хотя не только по обочине. Вон и на дороге те же куры, выклевывают вкусняшки из лошадиных кучек. Собак хватает. Без привязи, но тихо себя ведут. Никого не обгавкивают, а лежат или лениво трусят по своим делам. Кстати, наличие свободно гуляющих кур говорит о том, что голода здесь еще нет. В противном случае их хрен бы кто со двора выпустил. Значит, временные рамки можно несколько сузить, в вилке от семнадцатого до девятнадцатого года. Ну, я так думаю…

Ближе к центру стали встречаться и каменные строения. Некоторые даже двухэтажные. Заборы, что характерно, стали гораздо ниже, а местами вообще превратились в декоративный штакетник. Интересно, у нас обычно наоборот – чем богаче владелец дома, тем забор выше. Но здесь, видно, богатеи еще не пуганые. Еще обратил внимание на то, что по сторонам дороги появились деревянные тротуары.

Людей тоже хватало. И на окраине, и в центре. Одетых бедно и побогаче. Много было народу в военной форме. Транспорт (исключительно гужевой) присутствовал. Гадил этот транспорт весьма активно, но я увидел, как облаченный в серый фартук мужик (наверное, дворник) довольно шустро собирал следы жизнедеятельности в большой совок. Интересно, а на въезде не наблюдал, чтобы так шуршали, и лошадиные лепехи спокойно себе лежали посередине дороги.

А мы тем временем, миновав небольшую церковь (возница, глядя на нее, размашисто перекрестился), свернули куда-то влево и вскоре остановились перед здоровенными воротами. Забор тоже внушал. Эх! Чувствуется казенный дух. За оградой – двухэтажное, в обшарпанной побелке здание. На окнах решетки. Во дворе (судя по солидному гавканью) сидит барбос. И не один. Помимо барбосов, есть и люди. Слышны голоса и связующий слова незамысловатый мат.

Возница через окошко в воротах быстренько договорился о пропуске внутрь. После чего, оставив меня под охраной своего казака, подкрепленного подошедшим местным солдатом, старый удалился внутрь здания. Правда, перед этим, кивнув в сторону деревянной будки, стоящей в дальнем углу большого

двора, велел молодому:

– Этого мычальника до сортира проводи. А то он ерзал сильно.

Я, в общем-то, уже был не против посетить подобное заведение, поэтому двинул без возражений. Сортир оказался самым обыкновенным. Ничем не отличающийся от своих собратьев из будущего. Единственно, там не было ни газет, ни туалетной бумаги. Вместо этого стояла корзина с соломой. Блин! Представив себе процесс подтирания ломкой и колючей соломой, я передернулся. Тут, наверное, особо прокачанный скил нужен, чтобы подобное перенести. А старый анекдот, где говорилось – «могу предложить только наждачку», – заиграл новыми красками. Возрадовавшись, что мне только по-маленькому, быстренько сделал свои дела и был возвращен к телеге. Тем временем местный боец, которому наскучило стоять просто так, поинтересовался у казака:

– А чегой-то он у вас в одном мешке? Даже споднего нету.

Станичник, уже успевший скрутить самокрутку, затянулся, сплюнул и важно ответил:

– Дык и мешок наш. А ентого мы вообще в чем мать родила нашли. Вот и дали чой-нить срам прикрыть.

Солдат не унимался:

– А чо мешок-то? У вас в телеге вона сколько барахла…

Казак ощетинился:

– Ты на чужой каравай рот не разевай!

Но перепалка развития не получила, так как вернулся возница вместе с крепеньким младшим сержантом (то есть у парняги на погонах было по две лычки). Который и отконвоировал меня в здание. Там тоже особо не рассусоливали, и уже через пять минут я стоял в кабинете, разглядывая самого настоящего золотопогонного офицера. Как говорится, белую кость, голубую кровь. Это было даже несколько странно, так как все встречавшиеся до этого

вояки ходили либо в казачьей форме, либо в мундирах с полевыми погонами.

Правда, канонический образ, воспетый в романсах, книгах и фильмах, слегка отличался от увиденного. Разве что погоны, с четырьмя звездочками, действительно были золотые. Аксельбанты отсутствовали. Бравости и подтянутости также не наблюдалось. Верхняя пуговица мундира расстегнута. Стоячий воротник слегка засален. Да и сам капитан ощутимо пованивал потом. Это я учуял, когда он, подойдя вплотную и покачиваясь с пятки на носок, стал брезгливо разглядывать меня в упор. Видно, придя к какому-то заключению, глубокомысленно протянув: «Мда…» – кивнул на установленную возле стола табуретку, скомандовав:

– Сесть.

Я сел. Офицер тоже уселся за стол, приготовил лист бумаги, начав допрос:

– Кто таков? Фамилия? Имя? Откуда родом? Чем занимаешься?

Дело сразу застопорилось, потому что на этот и последующий вопросы я лишь ыкал, мекал и бекал. Капитан пробовал разные подходы. Даже выскакивая из-за стола, стимулировал мощными затрещинами. Точнее, когда я потянулся к карандашу, желая написать о себе, офицер, не поняв моего порыва, мощным ударом в глаз уронил подследственного на пол. Стоящий сзади сержант добавил пинка и рывком усадил обратно. Вот тогда-то я получил дополнительно от его благородия еще и по башке.

После чего золотопогонник внезапно успокоился и, усевшись на свое место, достал из кармана металлическую коробочку с витиеватым рисунком. Судя по цвету – серебряную. Открыл ее. Поставил перед собой. Из коробочки извлек крохотную ложечку. Я со все более возрастающим изумлением смотрел на совершаемые телодвижения. А когда контрразведчик насыпал себе на ноготь большого пальца порцию белого порошка, через секунду привычно нюхнув, я охренел напрочь! Мля! Это же уму непостижимо! Вот тебе и голубая кровь! Прямо на рабочем месте шморкать кокаин! Пипец, нет слов!

Приняв релаксант, благородие откинулся на стуле, закрыв глаза. А когда открыл их и вперил в меня превратившиеся в точки зрачки, я почуял, что дело пахнет керосином. И оказался прав, так как офицер со все большей экспрессией начал

говорить:

– Ты… мать-перемать… думаешь, я не понимаю, почему ты здесь комедию ломаешь? Из комиссаров небось? Сукин сын! Нехристь поганая! Крест покажи! Нет у тебя креста! И на церковь ты не крестился, морда жидовская! Сознавайся – комиссар? Жид? ЖИД? Говори, падла!

От капитана уже летели слюни, и я, несколько запаниковав, вскочил, задирая подол своего одеяния, желая продемонстрировать воочию, что кем-кем, а жидом уж точно не являюсь. Но опять был понят не так. Контрразведчик буквально взвыл:

– А-а! Тварь! Хрен мне тут свой демонстрируешь! Ну я тебе…

После чего быстро открыл ящик стола и, надевая на руку кастет (кастет?..), буквально прыгнул ко мне.

Ну что сказать. Пришел в себя я уже в камере, лежа на широкой лавке. Глаза почти не открывались и тупо болело все тело. Там ведь не один носитель золотых погон меня обрабатывал. Сержант тоже принял весьма деятельное участие…

В этот момент (видно заметив, что я начал поворачивать голову) сбоку раздался голос:

– Что, болезный? Пришел в себя? На вот – попей.

И мне в губы ткнулся холодный край металлической кружки. Попил, после чего сильно потянуло в сон. Я и не сопротивлялся.

Когда проснулся, чувствовал себя несравненно лучше. И глаза открылись, и тулово не болело. Сел на лавке. Огляделся. За окном была ночь, лишь лунный свет, льющийся из зарешеченного окна, позволял понять, что со зрением у меня все в порядке. А вокруг спали люди. Количество народу определить было невозможно – все пряталось во тьме. Но немало, так как храп стоял солидный. Еще присутствовал тяжелый дух немытых тел, вкупе с грязными носками. Хотя в данном случае, наверное, все-таки портянками.

Так, прислушиваясь и принюхиваясь, осторожно встал. Хм. Не больно. Наклонился влево-вправо. Поприседал. Не больно! Блин! Скажу больше! Я себя настолько хорошо очень давно не чувствовал! И тело уже не как чужое, а вполне нормально ощущается. Весь в надеждах решил протестировать речь:

– Овеа… оверка… П-п. Пр-р-ровека…

Ура! Почти получилось! Заработало! Продолжим:

– Ас, аз, раз. Раз, ва. Раз, два, три!

В этот момент меня прервали. С соседней лавки приподнялась еле различимая в темноте фигура и знакомым голосом прошептала:

– О! Ты уже стоять можешь? А мы думали, что дня три пластом пролежишь. Уж очень сильно тебя побили.

Ха, походу, это тот человек, что меня водой поил. Душевный. Сострадательный. Поэтому ответил со всем вежеством:

– Огу. Олько оворю ы-ы есе похо.

Собеседник глухо выругался:

– Вот сволочи, так измордовать пожилого человека, что он аж разговаривать с трудом может. Ни стыда, ни совести у них нет.

После чего, немного помолчав, спросил:

– А за что тебя так?

Я хмыкнул:

– За то, что оказал, что не шит. Э-э… не ж-жид.

Не! Мне прямо нравится этот мощный прогресс в устной речи. Глядишь, через часик уже вовсю болтать смогу! Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. А мужик, пытающийся переварить мои слова, решил уточнить:

– Это как – показал?

Я продемонстрировал. Сокамерник пару секунд непонимающе приглядывался, потом чиркнул спичкой и, сдерживая рвущийся смех, прохрюкал:

– Ну ты, старый, умеешь пошутить!

В этот момент из ближнего угла недовольный голос посоветовал нам заткнуться и не мешать спать. А мужик, по-прежнему светя спичкой, понизив голос, быстро сказал:

– Вон там на столе миска с кашей. Тебе оставили. Ложка есть? Хотя откуда у тебя… На вот, держи. Иди, поешь.

И сунув мне в руку обгрызенную деревянную ложку, улегся на свою лавку.

Что сказать – каша была не вкусная. Хлеба не было вовсе. Но в желудок что-то упало, от этого жизнь стала радостней и веселее. После завтрака (ну, будем считать, что это завтрак) я вернулся на свое место и как-то незаметно опять уснул.

Глава 3

Когда проснулся, стало достаточно светло и можно оглядеться. Да уж – помещение достаточно большое. Два окна. Вдоль дальней стенки деревянные двухэтажные нары. Возле ближней стены стоят широкие лавки. Посередине большой стол с лавками поуже. На столе стоит несколько оловянных (судя по цвету) мисок и кружек. Там же установлен солидный бак. Наверное, с водой. Параши, что характерно, нигде не видно. А нет – видно. Это оказалась небольшая деревянная бадья с крышкой. И народу в камере было человек пятнадцать. Точно сосчитать не успел, так как дверь открылась, и появившийся

на пороге усатый охранник в синем мундире спросил:

– Селиверстов кто? Харч тебе жена передала.

– Туточки! Туточки Селиверстов!

К усатому подскочил толстенький мужик и, получив узелок с тем самым «харчем», потащил его в свой угол. А я удивился простоте и незамысловатости действия. Надо же. Сидим в контрразведке, а тут еду спокойно передают. И, судя по завязкам на этом узелке, ее даже не досматривали. Хотя в первый раз я удивился ночью, когда мой собеседник спичками чиркал. То есть что получается? Здесь спички не конфискуют при посадке? А может, еще и ножи оставляют? Ну, чисто для того, чтобы колбаску домашнюю порезать. М-да, царским сатрапам надо еще работать и работать над собой…

В этот момент у меня чуть глаза не выпали, потому что давешний мужичок, вместе с тремя своими кентами, уселись за стол, и один из них, достав небольшой перочинный ножичек, принялся нарезать полученное в передаче сало. Пф-ф… Это действительно тюрьма?

А пока я наблюдал за сей удивительной картиной, ко мне подошел давешний поитель, вместе с каким-то худым, очкастым парнем. Наконец-то познакомились. Добрый человек звался Митрофаном Гавриловичем Ильиным. Очкарик – Сергеем Андреевичем Бурцевым. А я по привычке представился только фамилией, которая по жизни и позывным была:

– Чур.

Худой Бурцев удивился:

– Э-э… как это – Чур? Просто Чур? А это имя или фамилия?

Эх! Кто бы еще знал, как слово наше отзовётся! Глядишь, и история пошла бы по-другому. Но что случилось, то случилось, потому что я, возможно из-за какой-то распирающей и бурлящей внутри энергии, решил приколоться:

– Это имя.

– А отчество?

Вот ведь упорный. Ухмыльнувшись и уже практически не глотая буквы, ответил:

– Паень, поерь, имени вполне достаточно!

Собеседники мою позицию поняли и настаивать не стали. Зато пояснили, кто есть кто в нашей камере. Толстенький поедатель сала со товарищи чалился за спекуляцию. Трое, играющие в карты на нарах, вроде как воры, сдуру грабанувшие личные покои его высокопревосходительства генерала Бубенцова и взятые с поличным. Еще трое, сидящие с другой стороны нар, обряженные в военные мундиры без погон, тоже воры. Но с претензией. Это интенданты. Молоденький боец, стоящий возле окна, – дезертир. Сидящий в углу и ни на кого не обращающий внимания здоровый парень в черкеске, это вроде какой-то абрек-головорез. По-русски он не говорит, поэтому конкретики нет. Очкарик оказался заезжим студентом, которого приняли в контрразведку за революционную агитацию. А Митрофан был машинистом на паровозе, испортившим свое орудие производства. Случайно. Не нарочно. Но проходит по расстрельной статье, за саботаж. При этом Ильин виноватым себя не ощущает и надеется, что служивые люди правильно разберутся, все обойдётся и его быстренько отпустят домой. Студент, как ни странно, тоже рассчитывает на снисхождение. А за свои убеждения даже готов был провести пару месяцев за решеткой.

М-да… или я что-то недопонимаю, или эти люди наивны до изумления. Сам же, вспоминая зрачки-точечки здешнего штабс-капитана (уже успел уточнить, что значат четыре звезды на погоне), особых иллюзий не испытывал. Не знаю, может, интуиция проснулась, но сдается мне, что следующий допрос может закончиться совсем плохо. Даже если я и стал говорящим, что мне отвечать этому марафетчику? Как объяснить свое присутствие в том месте, где комиссаров постреляли? Нести же пургу про попаданца во времени… Угу. Тут сразу возникнет вопрос, как в том старом фильме: «Какие ваши доказательства?» С тем же успехом и мессией можно представиться. Так же – бездоказательно.

А разговор постепенно стал вращаться вокруг происходящего в мире, и я стал постепенно выпадать в осадок. Ну, начнем с того, что год здесь восемнадцатый. Март месяц. Находимся мы в городке Иванинск, что в пятидесяти верстах от Екатеринодара. Идет мировая война. В прошлом году в Российской империи, в

феврале, случилась революция. Буржуазия заставила царя отречься от престола, и власть перешла к Временному правительству с князем Львовым[2 - Реально – первым председателем Временного правительства был князь Георгий Евгеньевич Львов.] во главе.

Тут я несколько насторожился, потому как ни о каких Львовых ранее не слышал. Но вида не подал, а Бурцев, взявший на себя обязанности политинформатора, продолжал вещать далее.

После Львова уже летом того же года главой, или как его еще называли – министром-председателем, стал Керенский. Ага! Услышав знакомую фамилию, я успокоился. В общем, стал Керенский править. Но получалось как-то не очень. Дела шли все хуже. А к концу лета так совсем стало плохо. Особенно когда немцы в двух местах прорвали фронт, а в тылу все острее и острее ощущалась нехватка буквально всего. И вот тогда, пятнадцатого сентября семнадцатого года в Петрограде произошел переворот. Власть взяли социалисты и большевики во главе с Лениным. И сразу после революции провели свой судьбоносный съезд.

В этом месте меня конкретно заклинило. Во-первых, какой нафиг сентябрь? Нет, за давностью лет многое подзабылось, но вроде название было – Великая Октябрьская социалистическая революция. Так что все должно быть в октябре. Ну, в крайнем случае в ноябре. Хм… Или Великая Ноябрьская социалистическая революция? Отмечали-то ее седьмого ноября. Или седьмого октября? Э-э-э… не суть! Революция по-любому должна быть осенняя – октябрьская или ноябрьская. Но никак не сентябрьская. Даже если учитывать все эти юлианские и григорианские календари.

Блин! Вот кабы знать, где упасть! И почему я не в отделе «Евразия» работал? Хоть историю родной страны знал бы назубок! А так как занимался исключительно европейскими колониями пятнадцатого-девятнадцатого веков, то и историю России смутно помню исключительно из полузабытых школьных учебников, чувствуя себя сейчас дурак дураком.

В общем, пока я очухивался и пытался переварить эту сногсшибательную новость, опять пошла более-менее знакомая информация. Про то, как еще при Временном правительстве было объявлено о независимости Польши и Финляндии. Временщики то же самое разрабатывали для Украины, прибалтийских стран, Кавказа и Туркестана. Малость не успели. Но там и

местные сами хорошо справлялись. На этом фоне даже не особо удивил сепаратизм донских казаков. Те, после смерти Каледина, ни много ни мало, заявили о создании Юго-Восточного союза, во главе с атаманом Красновым. Заключили договор с немцами. Начали присматривать себе территорию, включающую Воронеж и Царицын. То есть четверть европейской части современной России. Понятно, что правительству в Петрограде это совсем не понравилось, но сил у него довольно мало, и теперь здесь идет пока еще вялотекущая рубка.

Угу… Я почему-то думал, что вся буча в России началась где-то ближе к лету восемнадцатого года. А тут только весна, но уже ростки гражданской войны вовсю проклюнулись. С другой стороны, если революция сентябрьская, то может быть вообще все что угодно. А Краснов-то, подстилка нацистская, оказывается, уже в это время себя показал во всей красе. Ну и я под этот замес краем попал. Зато теперь даже сомнений не возникает о поведении на допросе. Валить надо того кокаиниста. Вместе с сержантом. Наглухо. Благо силы вернулись, и башка соображать нормально начала. А после уходить из столь негостеприимных мест.

Правда, ни в этот, ни на следующий день меня к штабс-капитану не вызывали. Поэтому просто сидел в камере. Сверкал коленками. Общался со своими знакомцами. Ильин, глядя на меня, еще в первый день презентовал нижнюю рубаху. Отдал бы и кальсоны, но, смущаясь, пояснил, что сидит здесь уже пять дней, да и до этого столько же в них проходил. Так что сия часть гардероба у него несколько… хм, грязновата. Но если я захочу… Я не захотел, и все успокоились.

А на третий день в дверях появился уже примелькавшийся попкарь, в сопровождении двух солдат, которые довольно споро уволокли молчаливого абрека. Через пару минут усатый снова появился и вызвал толстенького спекулянта. Потом студента. А потом и меня выпихнули в коридор, где споро связали руки (на этот раз за спиной), и всю нашу четверку погнали на улицу. Там оказалось еще двое солдат, телега и однозвездочный офицер на лошади. Без долгих разговоров арестантов загрузили в телегу, один из солдат, положив винтовку на колени, сел за руль (в смысле взялся за вожжи), остальные бойцы выстроились сзади, младший лейтенант возглавил процессию, и мы выехали за ворота.

Бурцев попытался было поинтересоваться, куда нас везут, но его оборвали ответом, что «куда надо», и посоветовали заткнуться. Горец молчал. Барыга

бормотал, что он и так уже все отдал (вот те крест), и вообще не понимает, за что его бог наказывает. Я же напрягал и расслаблял руки, стараясь растянуть веревку. Уж очень мне не понравилась вот эта незапланированная поездка в закат. А особенно две лопаты, лежащие на сене вдоль борта. Да и состав арестантов тоже внушал. Абрек – бандит? Бандитов к стенке. Студент – агитатор? Пусть и не от какой-то партии, а по велению души, но баламутит умы и вносит смятение в сердца. Тем более приезжий. То есть попросить за него некому. К стенке. Толстый – спекулянт? Зря он (по его же словам) все отдал. Отпустишь такого, так он начнет причитать, как его контрразведка на бабки опустила. Вопросы пойдут. Сомнения. А им это надо? Поэтому подельников нафиг, а его – к стенке! Что же касается меня, то очевидно, что лицезрение чужого детородного органа произвело на их благородие столь сильное впечатление, что он решил вообще не заморачиваться с какими-либо выяснениями. Тут оскорбленные чувства взыграли, вот и решил шлепнуть мерзкого эксгибициониста как можно скорее.

Несколько удивляло отсутствие в нашей компании Митрофана, но кажется, этому есть объяснение. Он машинист. Машинистов мало и их надо беречь. Тем более, как Ильин искренне говорил, вины его в поломке не было. Я ему верил, так почему бы и контрикам не поверить?

Телега тем временем, завернув за здание тюрьмы, проехала по небольшой улочке, и городок неожиданно закончился. Надо же. А сюда мы гораздо дольше катили. Но скорее всего, город просто вытянулся вдоль речки и меня везли вдоль. А теперь свернули поперек, вот и получилось, что буквально через десять минут были в чистом поле.

Вскоре наше транспортное средство остановилось возле зарослей кустарника, а офицер, поигрывая плеткой, скомандовал:

– Вылазь.

Ну, вот и приехали. Сквозь голые ветки я разглядел холм свеженасыпанной земли. Значит, яма для нас уже готова. Но и я был готов. Веревки соскользнули с запястий еще на выезде, пришлось их пальцами придерживать, чтобы вообще не свалились. Поэтому, не дожидаясь, когда солдаты станут скидывать с плеч винтовки, прямо с телеги прыгнул на офицера. Тот подобного фортеля никак не ожидал и, получив кулаком в горло, вместе со мной свалился на другую сторону лошади. А я, выдернув из кобуры наган, начал стрелять по солдатам. Не…

стреляю я обычно хорошо. Но тут против меня играли два обстоятельства. Во-первых, у нагана очень тугой спуск, и без предварительного взвода продавливать спусковой крючок достаточно тяжело. Во-вторых, офицерик не упал на землю, а зацепился ногой за стремя. Револьвер же был шнурком прицеплен к кобуре. Лошадь дергалась как сволочь, и вся это конструкция – стремя-нога-кобура-наган – дергалась вместе с ней.

Поэтому первую пулю я влепил в дальнего солдата. Вторую получила лошадь, везущая телегу. Лошадь заорала почти человеческим голосом и стала прыгать, дергая с недюжинной силой наш шарабан. Третья пуля ушла в молоко. Четвертая в солдата, который уже целился в меня, но медлил, опасаясь попасть в командира. Тут раздался выстрел из винтовки, глухой звук попадания, после чего лейтенантская кобыла, визгливо заржав, рванулась в сторону так, что наган птичкой вылетел из руки. А мне ничего не оставалось делать, как броситься на бойца, который в этот момент лихорадочно дергал затвор.

Солдат оказался опытным, потому что, увидев, бегущего противника, плюнул на заклинивший затвор и взял винтовку так, чтобы насадить вражину на штык. Но он никак не ожидал, что в последний момент я просто упаду на спину, пропуская удар над собой, и, скользнув по влажной земле, со всей силы ногой влеплю ему по причиндалам. Конвоир, роняя оружие, стал падать, а я, подхватив винтовку, ткнул в неожиданно податливое тело штыком и развернулся в сторону четвертого, который изначально сидел на телеге.

Но там никого не было. Вернее, опасности не было. Телега стояла пустая и как-то странно перекособоченная. Запряженная в нее лошадь никуда не делась, но подгибала заднюю ногу. Бурцев, внешне вполне целый, с ошарашенным видом крутил головой. На земле, не двигаясь, ничком лежал спекулянт. Рядом – солдат, из горла которого слабыми толчками выбивалась кровь. Горец сидел тут же, и вся борода у него была в крови. Охренеть! Он его что – загрыз?!

Ну, с этим позже разберемся, а сейчас, не выпуская винтовку из рук, я сбегал к лежащей метрах в тридцати лейтенантской лошади. Так. Коняшка отмучилась. Ее владелец тоже, так как падающая лошадь ему свернула шею. А что с остальными? Двое солдат – наглухо. Тот, которого я ткнул штыком куда-то в район задницы, просто без сознания. Секунду постояв над ним, решил – не… не наше это. Добивать точно не буду. Пошел к арестантам. М-да… Спекулянт заколот штыком. Солдату действительно перегрызли горло. У абрека вся морда в крови. И почему-то штанина. Похоже, ноге досталось. Охлопав убитых бойцов

по карманам, нашел нож. Перерезал веревки сначала бандиту (тот тут же занялся раной), а потом и активно блюющему Бурцеву.

После чего позаботился о себе. Нет, к мешку я уже как к родному привык, но гардеробчик сменить просто необходимо. Благо сумерки, никого из посторонних не видно, да и мы достаточно далеко от дороги. А если кто услышит выстрелы, не насторожится, так как, судя по всему, не нас первых сюда на расстрел привозили. Но поторапливаться надо.

Вскоре подобрал себе все, что хотел. Сапоги и галифе – офицерские. Белье, гимнастерку, папаху и шинель – солдатские. В общем – готов. Так, а что мои сокамерники? Студент к этому времени перестал удобрять землю и потерянно стоял возле телеги. Кстати – чего ее так перекосило? Подойдя ближе, понял причину – ось сломалась. Жаль… Хотя чего жаль? Лошадка-то ранена и все равно не смогла бы ее тянуть. Тут очухался очкарик и с горячечным шёпотом, боязливо поглядывая по сторонам, зачастил:

– Господин Чур, э-э-э… товарищ Чур! Нам бежать отсюда надо. Скорее бежать! Они ведь нас убить хотели. Вон там яма уже приготовлена была. А вы как прыгнули. Как начали стрелять! И солдат мы убили… теперь если нас поймают, то точно расстреляют! Бежим!

Встряхнув очкарика за шиворот, я рявкнул:

– Угомонись! Не сепети! Собери винтовки. Собери патроны. Проверь у убитых по карманам, что есть. Может, хоть сухари найдешь. Да и вообще – все, что будет интересного, сюда неси. Ремень себе возьми. На него подсумки повесишь.

И еще раз встряхнул собеседника, уточнив:

– Все понял?

Серега закивал, и я его опустил. Сам же направился к горцу. Тот наш разговор про бегство слышал, но даже морду не повернул. Или действительно по-русски ни бельмеса, или марку держит. Присев перед бандитом на корточки, уточнил:

– Ты меня понимаешь?

Тот кивнул.

– Штыком ткнули или пулю получил?

– Щитыком…

– Идти сможешь?

Парень попытался подняться, но с глухим рычанием завалился на бок. Я вздохнул:

– Понятно… снимай штаны. Чего вылупился? Ногу тебе замотаю нормально. Благо тряпья хватает…

Пока возился с раненым, вернулся Бурцев. Сбивчиво доложил:

– Вот. Патроны и винтовки. Немного сухарей есть. Вот деньги. Нож перочинный. Еще часы у прапорщика были и портсигар серебряный, с папиросами…

Я восхитился:

– Студент! Да в тебе погибает опытнейший мародер! А на вид додик-додиком! Чего же ты сразу не вскрылся, родной? Блевал тут, как институтка.

Серый на секунду застеснялся, а потом, опасливо поглядывая на абрека, наябедничал:

– Этот дикарь прямо у меня на глазах живому человеку горло перегрыз. И рычал еще очень страшно. А из солдата кровь прямо фонтаном ударила. Вот и не выдержал…

Я философски пожал плечами:

– Жить захочешь, не так раскорячишься. Ну что? Ты готов?

– Да! Бежать надо!

– Не бежать, а идти. Нам еще пассажира тащить придется, а с ним не побегаешь.

Серега опешил:

– Ка… как… какого пассажира?

Я кивнул в сторону:

– Вон того, красавца бородатого.

Бурцев возмутился:

– Но нас же сразу поймают! И расстреляют! С ним мы далеко убежать не сможем! Да и зачем он нам нужен?

Я выдохнул, собираясь с мыслями, и серьезно спросил:

– А ты куда вообще собирался тикать, бегун ты наш легконогий? В ту степь? До ближайшего хутора или заимки? Где нас и повяжут. Или в какой-нибудь балке прятаться будем? Ага. Ранней весной, без еды и тепла. В общем, так тебе скажу – хочешь уходить, уходи. Держать не буду.

Студент тут же включил заднюю:

– Нет. Я с вами. Только все равно непонятно, зачем нам этот бандит нужен.

Да мне самому это непонятно! Фиг его знает, чем меня этот бородач зацепил. Или тем, что в критическую минуту помог, завалив того солдата. Не побоялся ведь, со связанными руками, броситься на вооруженного человека. Или тем, что даже взглядом не попросил помощи, понимая, что будет являться обузой. При этом также понимая, что далеко уползти не сможет, и когда его найдут, то не пощадят. Все эти мысли и вылились в слова:

– Как тебе сказать… русские своих не бросают.

– А он что – свой?

Я задумчиво почесал ухо:

– Пока – да. А там разберемся…

Студент какое-то время молча переваривал информацию, но потом, видно смирившись, спросил о другом:

– А куда мы пойдем?

– Обратно, в Иванинск.

Сергей аж подпрыгнул:

– Как в Иванинск?

– Это то место, где нас точно искать не будут.

Вопрос, куда направить стопы, я уже продумал. И мысль насчет города мне понравилась больше всего. Если б мы были местными, нас бы, разумеется, искали в первую очередь там. Но мы все пришлые. Значит, беглецов, которые, по логике, должны стремиться как можно быстрее уйти с вражеской территории, будут искать в степи и в ближайших населенных пунктах. Никому не придет в голову, что мы здесь можем остаться. Только нужно поспешать.

Быстренько соорудив из двух винтовок и шинели сидячие носилки, мы взгромоздили на них раненого и, распихав необходимое барахло по карманам (наган при этом я сунул за пазуху, остро сожалея о недостатке патронов), двинули в сторону окраин. По пути я просвещал и инструктировал Бурцева:

– Смотри, студент. У нас есть около сорока минут, прежде чем хватятся расстрельную команду.

– Почему сорока?

– Потому что минут двадцать назад мы их положили. Вот и считай. Должны были хлопнуть нас. Потом закопать. Потом вернуться. Это где-то час. Если повезет, то, может, и дольше не хватятся. Вдруг там у телеги колесо отвалилось или еще какая напасть произошла? Но рассчитывать будем все-таки на час. Что касается тебя – в отличие от нас, ты тут раньше ходил по городу, поэтому соображай, где на ближней окраине есть какие-нибудь заброшенные дома или сараи. Или еще что-то в этом роде. Только чтобы собак не было.

Несколько минут шли молча, а потом Серега, запаленно дыша, ответил:

– Даже и не знаю… есть сгоревший каретный двор. Рядом никто не живет. Но он совсем недалеко от тюрьмы…

– Недалеко это хорошо. Кстати, насколько недалеко?

Бурцев пропыхтел:

– Уф-уф… если через переулок, то минут пять ходьбы.

– А крыша там есть, или все сгорело?

Вместо ответа студент взмолился:

– Товарищ Чур, давайте немного передохнем, а то у меня уже пальцы сами разжимаются…

Остановились. Усадили раненого, и пока я из винтовочных ремней делал петли для облегчения переноски, Серега пояснил:

– Там сам двор сгорел. Но несколько сарайчиков остались целыми. Только они совсем пустые. Даже сена нет.

Снова берясь за приклады винтовок и поднимая носилки, я прокомментировал:

– Ничего. Зато у нас шинели есть. Этого хватит. А сейчас береги дыхание и добавь скорости. Время поджимает. Скоро уже совсем темно будет…

Так и топали по дороге, готовясь при малейших признаках появления людей нырнуть в кусты. Они хоть и голые, но в быстро сгущающейся темноте будут хорошим прикрытием. Студент сопел и пыхтел, а я, к своему удивлению, вообще не чувствовал никакой усталости. Блин! Неужели подарочки Сатихаарли постепенно начали работать? Она ведь обещала, что что-то включится почти сразу. Вот видно и включилось. Но Бурцев с каждым шагом кряхтел столь надрывно, что я не выдержал. Всучил ему винтовки с шинелью, а горца посадил себе на закорки. После чего наша скорость заметно возросла, и довольно скоро, уже в полной темноте достигли вожделенного каретного двора. На дороге пришлось прятаться от людей всего один раз. Это была какая-то бричка, следовавшая в город. В самом Иванинске, там да. Там раза три приходилось быстренько скидывать абрека со спины и делать вид, что мы просто общаемся. Благо на одной ноге он стоял твердо. Но, честно говоря, в сгущающихся сумерках к нам никто и не приглядывался. Только одна припозднившаяся барышня шарахнулась в сторону и перешла на другую обочину, когда я куражливо запел:

– Бывали дни веселые, гулял я молодец…

Студент при этом чуть наше барахло не выронил и запричитал шепотом:

– Чур, тише! Вы что!

На что я громко и пьяно возразил:

– А мне скрывать нечего! Пусть все слышат! Я честный человек! А любому, кто в ентом сумлевается, рожу начищу!

Зато идущая навстречу парочка, после моих воплей, шустро нырнула в какой-то переулок, и мне не пришлось лишний раз скидывать ношу со спины. Увидев это, очкарик понял суть маневра и уже не возражал, перестав трястись на каждом шаге.

Ну а потом, как я и говорил, мы достигли вожделенных сарайчиков. Выбрали в котором поменьше щелей (это уже практически на ощупь) и стали устраиваться. Погрызли сухарей, сожалея об отсутствии воды. Заодно, наконец, познакомились с бандитом. Оказалось, что кличут его Магомед Чендиев. Тридцати двух лет от роду. Спустился с гор за солью, вот его и замели. Ну, это я

так шучу. На самом деле Чендиев со товарищи занимались скотокрадством. Так сказать – семейным бизнесом. Благороднейшее занятие. Героическое. Ну, это у них так считается… А Мага после удачного дела откололся от коллектива и сдуру пытался взять на гоп-стоп представителя союзного командования. Какого-то французского подполковника, которого бес знает зачем занесло в эти края. Абрек с приятелем были потрясены блеском и шикарным покроем незнакомой формы. А также малым количеством охраны. Это их и подвело. Приятеля завалили на месте, ну а Чендиева взяли живым.

Прослушав незамысловатую историю горного витязя, без тигровой шкуры, я про себя похихикал, а потом принял волевое решение:

– Ну что, друзья. Утро вечера мудренее. Попробуем поспать, а завтра нас ждут великие дела.

Бурцев какое-то время крепился, но все-таки не выдержал:

– Какие дела?

– Вот завтра и узнаешь. Спи.

Глава 4

Ночь прошла нормально, и мы почти не замерзли. Вернее, я совсем не замерз, а попутчики грелись под двумя шинелями. Пока они сопели, я обдумывал дальнейшие планы и свои вчерашние поступки. Те, что совершал после уничтожения расстрельной команды. Даже не поступки, а состояние. Я ведь себя начал вести, как на вражеской территории с хорошо развитой инфраструктурой и прекрасно подготовленными спецслужбами. То есть ожидал введения чего-то наподобие планов «Антитеррор» и «Перехват». И только позже до меня дошло, насколько я туплю. Какой нафиг «Перехват»? Максимум, что могут сделать, это послать посыльных (или телеграфировать, если там вообще есть телеграф) в ближайшие населенные пункты, с сообщением о сбежавших. Междугородняя телефонная связь тут отсутствует в принципе. Не изобрели еще. Ну и казачков припахать, чтобы ночью, в степи, посмотрели, нет ли где

отблесков костра. При этом надо учесть, что ночью патрули не ходят (чтобы лошадям и себе ноги не переломать), а сидят в секретах.

Смотрим дальше – фото наши никто, разумеется, не делал. Значит, искать будут по особым приметам и по словесному портрету. Не знаю, применяют ли сейчас словесные портреты, но даже если и применяют, то сомневаюсь, что полиция в этом хорошо разбирается. Вывод – достаточно сменить одежду, и мы просто растворимся. Это, конечно, если не попадем под проверку документов. Но тут уж как карты лягут…

Ладно. Пора вставать, дел на сегодня намечено много. Пихнул укрывшегося с головой студента, и тот, сонно моргая, вынырнул из-под шинели.

– А? Что?

– Подъем, арестант.

– Да-да, конечно.

Бурцев начал вставать, но, мазнув по мне взглядом, вдруг застыл и, тыкая в мою сторону дрожащим пальцем, ошарашенно спросил:

– Товарищ Чур, что это с вами?

Вот интересно. Пока в камере сидели, величал исключительно господином. А стоило на свободу вырваться, как я превратился в товарища. Но, судя по круглым глазам Сереги, он явно не прилипшую козявку у меня на щеке увидел. Поэтому, оглаживая лицо пальцами (вдруг все-таки козявка), я уточнил:

– А что со мной?

– Я думал, что мне вчера показалось. А сегодня стало еще больше заметно… У вас борода сильно темнеть начала и морщин почти не видно!

Опаньки! Работает! Работает подарочек Сатихаарли! Не зря изнутри как будто шарик воздушный надулся. Легкость во всем теле и постоянно двигаться хочется! А теперь это и на внешности сказывается! Проведя рукой по начавшей

обрастать голове, нащупал щетину там, где уже лет десять была гладенькая кожа, окончательно уверившись в своих предположениях. Что же. Значит, голову больше брить не стану, зато со временем опять придется заводить расческу. Но студент ждет ответа, поэтому с деланым равнодушием, пожав плечами, просветил:

– Это все экология.

– Какая экология?

– Хорошая. Очень хорошая. Не отравленная гербицидами и пестицидами.

Судя во виду, Бурцев ничего не понял, но напор не сбавил:

– А глаза?

– Блин! С глазами-то что не так?

– Они у вас были темными, а стали светлыми.

Хм… глаза у меня всю жизнь карие. Значит, и их изменения коснулись… Но эту дискуссию пора прекращать:

– Цвет глаз у меня от настроения зависит. И от состояния души.

– А разве так бывает?

– Бывает. – И прерывая его дальнейшие вопросы, отрубил: – Всё! Кончай базар, у нас дел много.

Потом осмотрел нашего раненого. Тот выглядел лучше, чем я ожидал, но хуже, чем можно было надеяться. Слепая колотая рана верхней трети бедра. Хорошо, артерию не задело. Хотя, если бы задело, то наш высокогорный приятель так бы и остался лежать возле ямы. А у нас было бы гораздо меньше забот. Но сейчас пока мы имеем дырку с покраснением и хреновыми перспективами. Значит, планы совсем немного меняются. Поэтому, оторвав Серегу от важного дела (он пытался оттряхнуть свое куцее пальтишко от налипшего мусора),

поинтересовался:

– Так, студент. Сколько у нас денег?

– А вот…

Он с готовностью извлек из кармана офицерский кошелек и пристроил его на старую треснутую бочку, стоявшую в сарае. Сверху на кошелек улеглись несколько бумажных купюр (мне в глаза бросилась надпись на верхней – «Государственный кредитный билет двести пятьдесят рублей») и горсть мелочи. Открыв кошелек и перебрав в нем бумажки, нашел в отдельном кармашке три маленькие золотые монетки с профилем последнего царя. Одна покрупнее – десять рублей и две поменьше – по пять рублей. Угу. В общем-то, пересчитать их все, конечно, можно, но мне это вообще ничего не даст. Тут вон и царская сотка есть. «Катенька». Огромная, словно простыня, и с портретом этой самой Катеньки в буклях. Есть деньги Временного правительства. Уже без корон над орлами. Есть золотые монеты. Есть мелочь. Но что на это можно купить? Поэтому решил уточнить:

– Сергей, слушай сюда. Во-первых, в Иванинске аптека есть? – Парень кивнул. – Очень хорошо. Значит, наша первая задача – надо в аптеке взять обезболивающее и лекарства. Денег на это хватит?

Тот несколько неуверенно посмотрел на наличность и сознался:

– Я как-то плохо в аптечных ценах ориентируюсь. Но точно должно хватить…

– Тогда пойдем.

– Как пойдем? – Бурцев взволновался. – Нас же ищут! Нас же схватят!

Кокарду с папахи я сорвал раньше, а сейчас, отстегнув погоны от шинели и пристраивая наган за пазуху (в карман револьвер помещался, но при вытаскивании постоянно цеплялся курком), суровым голосом приструнил паникера:

– Пойдем ногами. И если ты не будешь дергаться, изображая из себя пугливого шпиона в бегах, то никто на тебя внимания не обратит. Понял?

Бурцев вроде понял, но трястись перестал, только когда мы дошли до этой самой аптеки. Она была совсем небольшая. Зато выбор лекарств вводил в оторопь. Когда мы вошли, звякнув колокольчиком на двери, за конторкой никого не было, и я принялся разглядывать рекламные буклеты лекарств, развешенные на стене.

В общем, взгляд скользил по рекламе, и я, как бы это помягче выразиться – охреневал. Потому что там были «искусственные барабанные перепонки “Здравый смысл”». «Настоящее средство для ращения волос “Я был лысым”». Коробочка с надписью «PURGEN – вкусно, нежно, надежно». Средство от угрей прыщей и веснушек «Метаморфоза». Блин… слабительные «Пилюли Ара», на которых был изображён этот самый ара (правда, почему-то сильно похожий на классического иудея с немецких плакатов), среди этого паноптикума смотрелись просто образцом здравого смысла. В этот момент послышался надтреснутый голос:

– Господа, чем могу служить?

А я не мог оторваться от рекламы героина. Да, да. Героина. Который почему-то рекламировался как «испытанное средство для ращения волос».

– Господа?

Отвлекшись от созерцания рекламы, обратил внимание на аптекаря. Тот был достаточно пожилой. В сером пиджаке, жилетке, пенсне, усах и какой-то ермолке. Не еврей (во всяком случае, внешне). Схему разговора я уже прикинул, поэтому сказал:

– Здравствуйте. У моей жены сильная мигрень. У вас есть что-нибудь обезболивающее?

Аптекарь кивнул:

– Да. Лауданум отлично может помочь.

– Хорошо. Еще мне нужен спирт, бинт, противовоспалительные и жаропонижающее.

Пенсне удивленно блеснуло.

– Интересный набор. У вас что-то случилось?

Вот ведь любопытный… Но ответить желательно. И так ответить, чтобы больше вопросов не было.

– Это для племянника. Вчера на гвоздь наступил, паршивец. И подошву пропорол, и ногу…

Аптекарь взволновался:

– Голубчик, а вы знаете, что это очень опасно? Гвоздь вот в такую колотую рану обязательно занесет инфекцию, и может случиться антонов огонь. Вам к доктору следует обратиться. Всенепременно. У меня вот и карточка врача есть. Извольте.

Пообещав последовать совету, я забрал покупки и расплатился. Хм. Интересно. Думал, до золотых дело дойдет, а тут и бумажек вполне хватило. Еще и осталось. Правда, противовоспалительным оказалась какая-то подозрительная мазь, а жаропонижающим кора терна, которую еще надо было заваривать, но это всяко-разно лучше, чем ничего.

Выйдя из аптеки, я постоял, крутя головой по сторонам, а потом решительно направился в сторону видневшихся дальше по улице торговых рядов. Бурцев, как Пятачок, семенил рядом и, пытаясь заглянуть мне в лицо, засыпал вопросами. А куда мы идем? А почему? А нас не повяжут? А как это вообще возможно? Я последовательно отвечал, что идем мы купить продуктов, а также разведать вопрос насчет постоя. Да, на постой можно встать не только в комнате доходного дома, но и просто в хате. Главное, найти таких хозяев. Нет, это не опасно, потому что со мной можно не опасаться. В конце концов, студент угомонился и больше не мешал заниматься делами. Мы прикупили хлеба, сала, молока в кринке и моченых яблок. Сложили все в купленную здесь же корзинку. У тетки, что продавала яблоки, узнали и адрес, где можно попытаться снять комнату в избе. Я-то у всех ненавязчиво этим вопросом интересовался, но только

продавщица моченостей неуверенно ответила, что можно у деда Михея попробовать.

Ну, попробовать так попробовать. Пошли искать деда. А я сделал вывод, что голодом здесь, конечно, и не пахнет, но цены на продукты уже кусаются. Самого Михея Никаноровича нашли довольно быстро. Вместе с его же бабкой Пелагеей (не надо по батюшке, зовите просто – бабка Пелагея) Сговориться на комнату тоже получилось. С питанием. Легенда у меня была такая – двигались мы из Сухума в Ростов. Дядя с племянником и сын давнего знакомого. В пути нас ограбили, отобрав весь багаж. У меня даже пальто и шапку отобрали. Пришлось потом у какого-то казака солдатскую шинель с папахой покупать (благо деньги в кармане остались). А когда мы попытались убежать, то слегка подранили сына знакомого. Убежать получилось, и вначале вроде нормально все было, но теперь раненый на ногу наступать практически не может, и нам надо дней пять как-то перекантоваться, пока он не очухается. После чего двинем дальше. А в меблированные комнаты доходного дома мы не пошли, потому что там, во-первых, дорого, а во-вторых, документы остались в чемодане, и из-за этого могут возникнуть проблемы.

Дед на это только покивал и, уточнив, что раненый это действительно раненый, а не какой-нибудь тифозный больной, посоветовал приходить с увечным вечером, чтобы лишних вопросов у соседей не возникало.

Ну мы и двинули обратно в каретный двор. Правда, по пути Бурцев опасался:

– А вдруг этот старик доложит о нас в полицию? И те нас снова передадут в контрразведку.

Я успокаивающе его похлопал по плечу:

– Мы же задатка не оставили? Не оставили. Так что Никанорычу никакого смысла нас сдавать пока нет. Только деньги потеряет. А волноваться мы начнем, если они вместе с бабкой одновременно из дома намылятся. Вот тогда будет шанс, что он нас слил органам, и сам уходит, чтобы во время ареста под молотки не попасть.

Сергей на это понимающе покивал, удивляясь незнакомым словесным оборотам типа «сдал», «слил», и неожиданно заинтересовался моим прежним родом

занятий. Ухмыльнувшись, я ответил:

– Не уголовник, если ты об этом. И не мазурик. Не сидел. Просто у меня большой словарный запас. Ты мне лучше другое скажи – где твои очки?

Студент неожиданно покраснел и сознался, что очки ему в общем-то не нужны и носил он их исключительно для придания себе солидности. А когда приключилась катавасия с расстрелом, они с носа слетели и потерялись… От неожиданности я фыркнул и, не выдержав, расхохотался:

– Тебе вообще сколько лет, профессор?

– Девятнадцать.

– Очешуеть! То-то я думаю, зачем тебе эти три волосинки на подбородке. Это, наверное, борода? А вот это под носом – усы? – после чего, став серьезным, приказал: – Сегодня же зайдем к парикмахеру. Пусть обоих побреет. Ну а тебя еще и подстрижет, а то выглядишь, как декадент какой-то, прости господи.

Серега попробовал было начать сражение за свою шевелюру, но я жестко пресек:

– Длинные волосы на парне – это особая примета, по которой тебя ищут. Хочешь из-за прически башки лишиться и нас всех под монастырь подвести?

Бурцев сразу сдулся.

Так, за разговорами, дошли до нашего погорелья. На всякий случай оглядевшись (не смотрит ли кто), нырнули во двор. А в сарае, из темного угла, нас встретил ствол. Успокаивающе качнув корзинкой, оповестил:

– Свои. Не дергайся.

Мага опустил винтовку и как-то удивленно произнес:

– Прышлы…

Я криво ухмыльнулся:

– А ты что думал, бандит горный, мы тебя здесь бросим? Студенту говорил и тебе повторю – русские своих не бросают.

– Я нэ рускый…

– Пока со мной – русский. А дальше сам определишься, чей ты. Так что сейчас давайте кушать, ну а потом лечить тебя будем.

Лауданум оказался спиртовой настойкой опия (вот кто бы сомневался!). Но действовал хорошо. Правда, пока я запихивал сделанную из бинта турунду, покрытую мазью, в рану, Чендиев, рыча словно бенгальский тигр, напрочь сгрыз зажатую между зубами деревяшку. Но, в конце концов, все закончилось, и, оставив абрека приходить в себя, мы снова двинули в город. Посетили и парикмахера, и даже баню. Не скрою, было очень противно надевать на чистое тело грязное белье, но все равно чувствовал себя замечательно. А ближе к ночи, доев купленные продукты, пошли к Михею. Засады, как я и предполагал, никакой там не было, поэтому разместились вполне нормально. Магу разместили на кровать, мне досталась широкая лавка, а Бурцев оккупировал здоровенный, словно броненосец, сундук с плоской крышкой. Перед этим чаю попили с хозяином. Беседы вели. Мы все больше молчали, зато Никанорыч подробно рассказывал о своем житье-бытье. Работал он скорняком. Четверо детей. Старший сын на фронте. Две дочки в Екатеринодаре, подвизаются горняшками[3 - Горняшка (сленг) – горничная.] в господских домах.

Младший сын там же, в Екатеринодаре, ходит в учениках приказчика. Но младшенького они собираются обратно домой выписывать, потому как старость не радость, да и за домом надо нормально следить, а сил уже мало. Но дети помогают. Постоянно, с оказией, либо деньги, либо вещи шлют. Чувствовалось, что старики гордятся отпрысками и радуются тому, что те в люди выбились.

В общем, нормальные у нас хозяева попались. Без гнильцы. Я, правда, первые пару дней еще достаточно зорко следил за ними. Но ничего не указывало на какие-либо подляны с их стороны. Так и провели пять дней. Чендиев получал лечение. Студент в основном отирался в доме, а я делал променады по городу. Пропитывался, так сказать, обстановкой и временем. Заодно разъяснил для себя то, что меня царапало с момента неудачного расстрела.

Ведь все мои куцые знания об истории гражданской войны говорили, что не должны власти вот так просто гражданских стрелять. Позже – да. Там уже особо не миндальничали. Но обывателей за какие-то серьезные проступки обычно вешали. Публично. С оглашением приговора и с целью дальнейшего запугивания населения. То есть это имело смысл. А здесь – ни здрасьте, ни до свидания. Собрались вывезти под вечер и шлепнуть по-тихому. Логики я тут не видел. И только слушая разговоры горожан и приезжих, вроде стал понимать, что к чему. Севернее были территории, контролируемые Добровольческой армией под командованием генерала Корнилова. Части этой армии сейчас выбили из Ростова, и они движутся в сторону Екатеринодара. При этом народ поговаривает, что Корнилов уже убит, а руководство принял генерал Деникин. То есть там сейчас активно воюют.

А здесь окопались какие-то казачьи подразделения, под командованием Краснова. Который, к слову сказать, не подчинялся командованию Добровольческой армии. Да и не собирался подчиняться, потому что контролируемая им территория считалась вообще другим государством! Этот бывший царский гвардеец от имени нового государства заключил договор с немцами (с врагами!), заручившись поддержкой казачьей старшины. И принялся наводить свои порядки. Казакам и к ним примкнувшим тут оказывался полный респект и уважение. А к иногородним и не примкнувшим здесь допускался любой беспредел. Особенно на местах. Вот мы под этот замес и попали.

В принципе, зная презрительное отношение чубатых к пришлым (таким же русским, таким же православным), я этому почему-то совсем не удивлен. Сюда немного не вписывался местный спекулянт, но как я уже предполагал, его скорее всего тупо ограбили (судя по всему, очень нехило), а потом по-тихому решили актировать, чтобы волна от беспредела не пошла. Скажут родственникам, что он бежать пытался, и пойди пойми, так это было или не так. В эту схему неплохо ложился и золотопогонный наркоша. Он явно не казак. Варяг пришлый. Почему тогда здесь, среди казаков и на такой должности? Да вот именно поэтому! Родни, скорее всего, в здешних краях не имеет. К окружающим не снисходит. Судя по замашкам – не фронтовик. При этом борзый до невозможности. Значит, имеет волосатую лапу где-то наверху. Вот и ведет себя, как наши менты в девяностых, беспредельничая по полной и отстегивая положенную мзду выше. А если вдруг поднимется ропот, то такого человека не жалко и слить. Или, в зависимости от ситуации, перевести куда-то в другое место…

* * *

А на шестой день, попрощавшись с хозяевами, решили двигать из столь негостеприимной местности дальше. Дырка в ноге у Магомеда не то чтобы зажила, но он уже мог вполне сносно передвигаться. Выйдя за город, я думал, мы просто разбежимся, но этот абрек меня удивил. Подойдя вплотную, он, глядя мне в глаза, глухо сказал:

– Тшур. Я тэбэ уже гаварыл – мнэ сичас ошень нада к сваим. А патом я тэбэ в Ростове найду. Долга на мнэ. Долга жизны…

После чего порывисто обнял и, не оглядываясь, двинул куда-то в сторону далеких холмов. Какое-то время я глядел на прихрамывающую фигуру, а потом, повернувшись к Бурцеву, предложил:

– Ну что, студент? Пошли, что ли…

И двинули мы в сторону Ростова. Под Екатеринодаром сейчас очень нездоровое шевеление идет. С довольно сильными, по местным меркам, боями. А в Ростове уже тихо. Да и расстояние да него плевое – чуть меньше трехсот километров. На машине бы часа за четыре доехал, не нарушая правил. Но ноги не колеса, поэтому планировал за пару дней дойти до Покровской. Там железнодорожная станция есть. Вот оттуда и будем смотреть, как же нам сесть на поезд и добраться до Ростова. Бурцев, правда, волновался, хватит ли у нас денег, так как из финансов остался только золотой червонец. На это я достаточно легкомысленно махнул рукой:

– Не переживай. Как говорил Остап Сулейман Берта Мария Бендер Бей, он же Бендер Задунайский, деньги будут валяться под ногами. Наша задача – их вовремя заметить и подобрать.

Дорога была пустынной, весеннее солнышко не только светило, но и немного пригревало, ощущение какой-то внутренней легкости с каждым днем становилось все сильнее, так что настроение было хорошим и тянуло побалагурить. Только Серега шутливого тона не принял. Он как-то задумчиво протянул:

– Странные у вас знакомые… – и тут же без перехода ляпнул: – А вы знаете, товарищ Чур, что еще больше помолодели? Теперь вам максимум лет тридцать пять – сорок можно дать. И глаза у вас синими стали. А были темными. Это я точно помню.

– И что теперь? Мне необходимо срочно состариться и почернеть взором?

– Нет, ну… Просто я в последнее время над этим постоянно думал. И, кажется, придумал…

Заинтересовавшись, я даже шаг сбавил:

– Ну-ка, ну-ка?

– Мне два года назад попалась книга одного английского автора. Называется «Портрет Дориана Грея». Так там портрет старел, а человек, изображенный на нем, всегда оставался молодым. Может, все, что написал Оскар Уайльд, правда, и у вас где-то тоже портрет есть?

Я хмыкнул:

– Не сходится. По твоей теории, это я должен быть портретом, так как изначально пребывал в морщинах и облысении.

Бурцев взмолился:

– Но ведь должно быть хоть какое-то объяснение!

– Пф-ф! Легко. Допустим, попал я, весь больной, на излечение к бабке знахарке. Шел по лесу раненый и уже совсем собрался помирать. А тут вдруг избушка. А в ней бабка. Пожалела она стара молодца и влила в него какую-то гадость несусветную, от которой у него речь с памятью отбило, но зато вылечило на славу. Ну а наутро, блюдя честь девичью, она постороннего мужика с хаты выставила, и пошел я, солнцем палимый, к людям. Лечение же тем временем не останавливалось. Вот ты помнишь, у меня шрам на руке был?

Студент ошарашенно кивнул и добавил:

– У вас и на ноге тоже был. Я видел, когда вы еще в мешке ходили.

– Теперь их нет!

Серега окончательно офигел и жадно спросил:

– А это правда? Ну, про бабку? И как ее найти можно?

– Эй! Осади. Я же тебе сказал, что память у меня та микстура отбила. Я даже не знаю, сколько времени прошло до тех пор, пока себя осознавать не начал.

Бурцев обрадовался:

– Все равно – удивительно! Прямо как в сказке! Бабка, избушка… А вы знаете, я слышал, что граф Калиостро тоже что-то подобное мог делать. Но очень давно. И сибирский старец Акакий. Только вы первый лично мне знакомый человек, которого действительно чудотворно вылечили! Про других я лишь слышал и почитал те рассказы враками.

В общем, студент, получив пояснения относительно чудных метаморфоз, происходящих с товарищем Чуром, перестал терзаться на потусторонние темы и добавил прыти. А я шел и просто поражался легковерности нынешних людей. В нашем времени мне бы в глаза плюнули после такого объяснения. Здесь же студент все схавал и не поморщился. Наверное, из-за возраста. Более взрослые люди хрен бы мне поверили. Но я сильно рассчитываю, что пока доберемся до этих «опытных», у меня в организме уже все устаканится и изменения не будут сильно бросаться в глаза. И даже если Бурцев на каждом углу будет кричать о чудесном омоложении, то не поверят уже ему.

Дорога давалась легко. Пару раз нас подвозили на телеге попутчики. Потом удачно нашли для сна замечательный старый сарай, видимый с дороги. На следующий день, правда, пришлось один раз, на всякий случай, прятаться от большого конного отряда. Почва уже подсохла, и я их заметил издалека, по поднимаемой пыли. Вот мы в овражек и нырнули. То, что нас по-прежнему активно ищут, я даже не опасался. Тем более что мордально стал совсем неузнаваем, да и стриженый Серега, без очков и в каком-то армяке, на который мы сменяли его пальто, совершенно не походил на разыскиваемого беглеца. Но с

вояками лишний раз сталкиваться не хотелось. Спросят документы – и что им отвечать?

Ну а ближе к вечеру второго дня нарвались. Сначала нас обогнала какая-то бричка (я к этому времени даже в марках телег стал разбираться). Проехав вперед шагов на тридцать, остановилась. Я в общем-то сразу понял, что сейчас что-то произойдет. И оказался прав. В бричке ехали вояки. Правил рядовой, а сзади, на диванчике, расположились два офицера. Вот они, обернувшись, разглядывали путников. Потом один из офицеров повелительно махнул рукой:

– Эй, вы! Шевелитесь быстрее. Кто такие?

Трусцой подбежав к бричке, я сдернул папаху и, коротко поклонившись, ответил:

– Дык это… С работ, из города идем…

Студент (идиот) тоже зачем-то снял свой картуз и молча мялся у меня за плечом. Офицер же, подозрительно разглядывая модельную стрижку Бурцева, коротко приказал:

– Документы!

– Да-да… чичас, скоренько…

Я полез за пазуху и, молясь, чтобы не было осечки, медленно потянул наган. Не торопясь, это чтобы он курком за что-нибудь не зацепился. Сколько ни тренировался, все равно – если его быстро выдергивать, обязательно, падла, цепляется. Но «не торопясь» это не значит, что пафосно и картинно. Благородие, вон, только глаза расширить успел, увидев вместо бумаг металл. И тут же захлопали выстрелы. Бах! Бах! Бах! Три попадания. Голова, голова и верхняя треть спины. Возница выпал из брички. Один из офицеров тоже. Еще один, как сидел, так и осел на диванчике. Оглядевшись в поисках свидетелей (дорога была пуста), я скомандовал застывшему студенту:

– Быстро, помогай!

В темпе загрузив выпавшие тела (благо лошадка никуда не стремилась убежать, лишь только всхрапывала, перебирая ногами), я взял ее под уздцы и бегом повел экипаж в сторону от дороги, за холмик. Повезло. Никто нас так и не увидел. А там уже начал осматривать добычу. Хорошо. Правки никому не требуется. Да и не готов я пока эту правку делать. Одно дело в бою, а вот так… В общем, не готов.

Серега же опять отчебучил. Глядя, как я осматриваю тела, выдал:

– Чур, вы страшный человек. Зачем вы их убили? Сказали бы, как деду Михею, что нас ограбили, и мы без документов остались. Он ведь поверил?

Я удрученно кивнул:

– Моя вина. Только я уже сказал, что мы с работ идем. Да и офицеры эти не дед Михей. И вообще – черт их дернул останавливаться… Ехали бы себе дальше и ехали. Даже если бы захотели нас арестовать, то как? В смысле – куда бы нас посадили? В этой бричке и места нет для дополнительных пассажиров. Просто покуражиться захотелось? Ну вот, считай, и покуражились…

А чуть позже, с восторгом осматривая трофейный «люгер», я добавил:

– Вообще-то, это враги. Вот смотри ствол, – я сунул Бурцеву под нос пистолет, – все воронение на месте. То есть практически не пользованный. И у второго такой же. Откуда они у них? От немцев! Те оружие в обмен на продовольствие Краснову гонят. То есть, пока страна бьется с врагом, эти ухари с ним договоры заключают. Так что выкидывай свои либеральные мысли из головы и помогай!

Бурцев лишь вздохнул и наконец-то стал заниматься делом. В этот раз даже не блевал. А трофеи были знатными. Два девятимиллиметровых «парабеллума». К каждому по запасной обойме в кармашке кобуры и еще несколько нераспечатанных патронных пачек в саквояже. Вообще, саквояж оказался Клондайком. Там присутствовали две бутылки крымского вина, какие-то импортные консервированные шпроты, три плитки шоколада, а самое главное, помазок со стаканчиком и квасцовым камнем. Ну и бритва с ремнем для правки. Судя по набору, благородия к дамам собирались. И действительно – черт их дернул с нами связываться…

Тряхнув головой, отгоняя неуместную жалость, продолжил ревизию. В итоге нам досталось довольно много купюр (как царских, так и керенок). С десяток больших серебряных рублей с профилем Николая Второго, шмат сала, с хлебом, луком и флягой (это было в сидоре у возницы), ну и оружие. Как я уже говорил, два пистолета с патронами и карабин рядового.

Распихав все нужное в заплечные мешки, я озвучил план:

– Так, студент, смотри, что будем делать. Трупы сгружаем в этот овраг. До Покровской осталось километров десять. Может, чуть больше. Поедем на бричке. Прямо по степи. Чтобы с дороги не увидели. Не торопясь, а то лошадки ноги поломают. Заодно в пути отдохнем и поедим. А километров через пять-шесть спутываем ноги лошадям и возвращаемся на тракт. Коняшки потом сами к людям выберутся. Ну а мы в темпе успеем проскочить в станицу и на вокзале будем узнавать насчет поезда.

Бурцев верно заметил:

– В поездах проверки документов часто проводят…

– Ну, мы же обговорили легенду. Приехали из Таганрога по коммерческим делам. А когда собрались возвращаться, то нас ограбили. Сами ушли чудом. Хорошо, что деньги у меня были в потайном кармане, поэтому и сумели прикупить вот эти обноски. Сейчас пытаемся возвратиться домой.

Серега вредным голосом возразил:

– Да-а… сами наган выкинули, но два пистолета себе в карманы сунули. А вдруг нас обыскивать станут?

Я обрубил:

– Стволы не оставлю. Начнут обыскивать – разберемся!

Студент на это лишь жалобно вздохнул:

– Вы только просто так никого не убивайте…

– Просто так – не буду!

Глава 5

Сняв папаху и подставив щетинистую голову к солнышку, греющему уже по-весеннему сильно (хорошо все-таки на юге), я задумчиво курил трофейную папиросу и соображал, что же теперь делать. Студент вился вокруг меня, пытаясь вызнать подробности. А подробности были не очень. Начнем с того, что на поезда билетов не было. Но это не стало бы преградой, так как, пока существуют проводники, то наличие или отсутствие билетов в кассе может являться лишь легким недоразумением. Но, отираясь на вокзале, я узнал гораздо более серьезный факт. Шмон в поездах был жесткий. Проверяющие (обычно в количестве пяти-шести человек) лютовали. Причем действовали грамотно. Один оставался в начале вагона. Один проходил в конец, перекрывая тем самым и вход, и выход. Остальные занимались проверкой документов, с выборочным перетряхиванием багажа. При отсутствии ксивы человек тут же задерживался и передавался, для выяснения личности, в контрразведку. Бывало даже, что наличие документов от этого не очень-то и спасало.

То есть наш лепет про ограбление здесь совершенно не катил, а снова попадать к контрикам меня совсем не тянуло. Ибо чревато. Бурцев опечалился:

– Так нам что теперь – опять пешком идти?

Мотнув головой, я пояснил:

– Пешком тоже опасно. Это нам крупно повезло, что сюда без проблем добрались…

Серега вытаращил глаза, и я поправился:

– Ну, почти без проблем.

– А как же быть?

Осторожно затянувшись папиросой (крепкая, зараза), ответил:

– Вроде наклевывается один вариант. За околицей станицы есть аэродром. На нем базируются два самолета. При этом один из них поломан. По словам местных, завести его не могут. Сейчас пойдем, посмотрим, что там. Определимся с охраной. С режимом. Поглядим, что за самолеты. Ну, и если повезет, то попробуем воспользоваться воздушным транспортом.

Студент, потеряв дар речи, какое-то время вхолостую открывал и закрывал рот, после чего его прорвало:

– Но… но как же так? Разве вообще это возможно? И я никогда не летал… – Тут Сергея переклинило в другую сторону и, глядя на меня восторженным взором, он завопил: – Ах! Чур, вы умеете пилотировать аэроплан?

Я поморщился:

– Не ори. Не умею я управлять самолетом. Но я знаю того, кто умеет.

– У вас здесь есть знакомый пилот?!

– Нет. Но думаю познакомиться. Пойдем.

Не обращая больше внимания на подпрыгивающего Бурцева, я двинул к окраине, на которую мне показывали местные. На полпути, когда он более-менее успокоился, стал инструктировать спутника:

– Слушай сюда внимательно. Я брат твоей матери. Мать зовут… Кстати, как ее зовут? Елизавета Григорьевна? Хорошо. Ты соответственно мой племянник. Здесь были по делам. Сам я из Питера. Работал на заводе вместе с Сикорским. Да-да. С тем самым авиаконструктором. Сейчас, в ожидании поезда, на который мы пытаемся купить билеты, я решил посмотреть на коллег. Ты при этом старайся рта не открывать. Вообще не открывать! Дошло?!

Студент кивнул и тут же попробовал вякнуть:

– А вы действительно…

– Молчать, сколопендра ушастая! Или оба погорим, мать твою растак!

Собеседник заткнулся, но, судя по виду, затаил обиду. Я же, не обращая на надутого Бурцева внимания, направился к виднеющемуся вдалеке солдату, который охранял подступы к аэродрому. Тот с интересом нас разглядывал, а когда подошли ближе, сурово оповестил:

– Не положено!

Пришлось мягко попенять:

– Я знаю. Но ты вот что, голубчик. Позови-ка кого-нибудь из начальства. Скажи, что встречи желает инженер с завода Сикорского.

Рядовой скептически оглядел мою шинель с мятой папахой. После чего не менее скептически окинул взором армяк студента. Я поспешил развеять сомнения:

– Вы, милейший, на внешний вид внимания не обращайте. Дорожные перипетии… Да-с…

В конце концов, был вызван унтер, который препроводил нас к старшему лейтенанту. Тот представился поручиком Васиным и, с интересом глядя на наш гардероб, поинтересовался целью визита. Я отрекомендовал себя как Иван Иванович Чуров. Рассказал историю с ограблением. Про документы только промолчал. А свой визит объяснил желанием пообщаться с коллегами.

Поручик заинтересовался. Спросил о личном знакомстве с Игорем Ивановичем[4 - Игорь Иванович Сикорский.] (я кивнул).

Потом поинтересовался, чем я занимался на Русско-Балтийском военном заводе, и, узнав, что перед ним инженер-двигателист, пришел в восторг.

– Понимаете, мой «Антара ДС» уже третий день неисправен. А у главного механика тиф. Его помощник пытался отремонтировать мотор, но не преуспел. Командир еще с утра поехал в Дубровскую, выбивать другого механика, только вряд ли у него это получится. Дефицит-с. А вас сам бог послал! Может быть, посмотрите, что с моей птичкой?

– С вашей птичкой? А вы что – пилот?

– Да. Ну, так что? Посмотрите? А я вам билет на поезд организую. С билетами сейчас, действительно, большая проблема…

– Ну, хорошо. Ведите. Только, если можно, какой-нибудь фартук предоставьте…

Обрадованный поручик тут же принялся давать распоряжения, а мы направились к самолету. Чувствовал ли я неуверенность? Не-а. Это же не движок «мерса», напичканный электроникой. А у обычных моторов причины неисправности по пальцам пересчитать можно. Или компрессии нет. Или бензин не поступает. Или воздух не поступает (либо наоборот – подсасывает там, где не надо). Ну, или искра на свече отсутствует. Всё! С компрессией я ничего сделать не смогу, а вот что касается всего остального… надо постараться, так как у меня появился интересный план.

Вообще, сегодня со мною творилось нечто странное. Еще когда прояснял ситуацию с билетами, появилось все более нарастающее чувство беспокойства. А когда узнал о проверках, беспокойство перешло в ощущение смертельной опасности. Аж волосы по всему телу дыбом встали. Была твердая уверенность, что попытка проезда для нас кончится весьма плачевно. С интуицией спорить не стал. Но когда принялся прикидывать пеший путь, то случилась та же фигня. Не дойдем мы. Шлепнут в дороге. Кто нас убьет и почему, предположить не получилось. Только чувство опасности выло как сирена. Вот тогда-то и услышал про аэродром. В любом другом случае у меня и мысли бы не возникло сунуться к самолетам, а тут стал прислушиваться к себе и – чудеса! Интуиция молчала. Так – только легкая опаска шкрябала. Вот мы и двинули к летунам, надеясь неизвестно на что. Теперь главное, чтобы не получилось, как в том анекдоте про внутренний голос и ковбоя, нагадившего на голову вождя племени…

Когда подошли к аэроплану, я скинул шинель (мне тут же был выдан синий халат) и остановил помощника механика, который уже кинулся открывать капот.

– Подождите. Давайте сначала попробуем его завести так. А я послушаю…

Васин, пожав плечами, полез в кабину, а механик принялся крутить винт. Самолет сказал: чих-пых-пых пых. Чих-чих-чих-чих-чих-чих-пых-пых-пых. Я

поднял руку:

– Достаточно. Открывайте.

Так, посмотрим. Угу. Двигатель звездообразный. Судя по радиатору – водяного охлаждения. Присутствует лейба, на которой написано «Salmson» и мощность – 150 лошадок. Даже карбюратор есть. Аж целых две штуки. Блин… Помню, мне как-то говорили, что на таких самолетах карбюраторов не было. Получается, что ошибались. Так… так… Ну, где-то понятно. Сначала проверил свечу. Искра была. Подача горючего? Вроде есть, но как-то неуверенно. Осмотрел шланг и проволочный хомут. Механик, тершийся тут же и подающий инструменты, проинформировал:

– Шланг не забит. Я его сразу почистил.

– Все равно снимай. Чудес не бывает.

И чуть позже, продавливая и сгибая топливный шланг, победно улыбаясь, сказал:

– Ну вот. Видите – трещина. Так-то она не видна, но если прижать, то видно. Отсюда воздух подсасывает. А когда двигатель пытается завестись, идет деформация и трещина расходится еще больше. Надо герметизировать.

Сказано – сделано. В ожидании высыхания герметика (судя по запаху – на касторовом масле) гостеприимный поручик нас сводил на обед. Потом попробовали результат трудов. Правда, механик говорил, что герметик застынет только к завтрашнему дню, но я, с высоты своего инженерства, лишь демонстративно хмыкнул. Так-то маслопуп прав, но не зря же я еще и прорезиненной материей место трещины обмотал. Поэтому сейчас рассчитывал, что какое-то время шланг продержится.

Движок схватился почти сразу и ровно затарахтел. Поручик счастливо улыбался из кабины. А вот когда он, погоняв двигатель на разных режимах, заглушил свою тарахтелку и, спустившись на землю, двинул ко мне со словами благодарности, я приступил к охмуряжу. Выслушав слова, воспевающие мой инженерный талант, спросил у Васина:

– Господин поручик, вы же, прежде чем лететь на какие-то свои задания, все равно должны испытать качество ремонта над аэродромом?

Пилот кивнул. Тут я (деланно), смущаясь и краснея, изложил свою просьбу:

– Понимаете, в чем дело. У меня племянник просто грезит небом. Да и сам я, признаться, тоже… Столько лет рядом с авиацией, но ни разу не поднимался в воздух. Не могли бы вы взять нас в этот испытательный полет с собой?

Тут все строилось на тонком расчете. Я ему только что починил средство передвижения. Он только что рассыпался в благодарностях. И вот так сразу отказать? Понятно, что «не положено», но начальства нет, и он сейчас здесь самый главный. Также общая лихость и раздолбайство летчиков сыграли свою роль. Тем более я не просил катать нас по одному, а сказал, что мы и вдвоем отлично в задней кабине поместимся. В общем, уговорил. Был снят пулемет (для облегчения веса), студенту была выдана кожаная куртка, вместо его крестьянского облачения (чтобы не замерз), и мы залезли в кабину. «Сидор» Бурцева остался демонстративно валяться на земле. Там все равно, кроме вина, консервов и плитки шоколада, почти ничего не было. Зато свой я умудрился незаметно сунуть под ноги. У меня там сало и патроны. Самый стратегически необходимый продукт. Ну и мыльно-рыльные, куда же без них.

Когда устроились, Васин спросил о готовности, после чего самолет, подпрыгивая на мелких кочках, начал разбег. Толчки становились все реже – и вот мы уже в воздухе. Сделав круг над аэродромом, аэроплан набрал высоту, и поручик в переговорную трубку стал пояснять, что находится под нами. Я его послушал, а потом сделал предложение, которого он сначала не понял, а потом резко отказался. Но пистолетный ствол несколько угомонил скандалиста. Да и как возражать, если он свое оружие даже достать толком не может, не говоря о повороте ствола в нашу сторону? Его угрозу, что он направит самолет в землю, я парировал тем, что сам умею пилотировать. Шлепну пилота, переберусь в кабину, выкину труп и улечу. Тут я отчаянно блефовал, но поручик-то про это не догадывался.

Тем более что и просил немногого. Просто в течение часа лететь на север. Там высадить нас, сев на любую дорогу, и улететь обратно. Всё! Я даже не претендую на его тарахтелку! И никакой я вовсе не шпион! Где он видел шпионов, которые могут чинить аэропланы? Я инженер, но на поезде ехать не хочу, потому что в поезде нас и ограбили! И ограбил именно патруль! Что значит

– «не верю»? А на хрена мне это придумывать? Отвели в пустой тамбур и там чуть не прирезали. Пришлось на ходу из вагона выпрыгивать, благо паровоз не быстро ехал. Да и высаживать он нас будет на территории, контролируемой Добровольческой армией. Так что чей я тогда шпион? Короче – убедил оппонента.

Тем более что действительно не требовал от него лететь к красным или до последней капли горючего. Васин сам, за обедом, рассказывал, что его «Антара», он же «Анасаль», может в воздухе два с половиной часа находиться. Заправлен самолет под пробку. Так что час туда. Час обратно. Еще и запас остается. А за час мы километров на сто двадцать – сто тридцать улететь сможем.

В общем, так и получилось. Я ориентировался по солнцу (чтобы летун нас не туда не завез), но поручик летел приблизительно на север. Потом благополучно сели на какой-то проплешине, невдалеке от дороги. На саму дорогу мы бы не поместились – деревья мешали. Васин к этому времени уже перестал плеваться ядом, и мы, предварительно высыпав патроны из его револьвера, вернули ему оружие и даже помогли развернуть самолет (чтобы мог взлететь по своим следам). Правда, на вопрос: «А где мы сейчас находимся?» пилот лишь пожал плечами, ответив, что в этих местах не бывал и сказать ничего не может. А потом, как тот Карлсон, газанул и улетел.

Проводив глазами удаляющийся «Анасаль», я повернулся к приходящему в себя Бурцеву:

– Ну что, студент. Почти полпути пролетели. Летун про то, что произошло, скорее всего, молчать будет. Невыгодно ему о нас рассказывать. На аэродроме, скажет, что просто высадил нас на соседней станции и всё. А даже если и начнет болтать, то пусть его. Мы, считай, в другом государстве сейчас находимся. Так что можно не опасаться. Меня вот только сильно смущает твоя стильная одежда…

Договорить я не успел, так как Серега неожиданно набычился и, плотнее запахнувшись в куртку, твердо прервал:

– Кожанку не выброшу!

Глядя в его шальные глаза, со все еще летящими к глубине зрачков облаками, я только сплюнул. Пацан! Первый раз в жизни прокатился на аэроплане. Даже не обрыгался при этом. А тут еще досталась заветная мечта всей молодежи – настоящая летная кожаная куртка. Да он сейчас на расстрел готов пойти, лишь бы в этом прикиде. Романтик хренов!

Так что, цыкнув зубом, успокоил взволновавшегося попутчика:

– Никто твою прелесть выкидывать не собирается. Надо будет просто прикупить тебе какую-нибудь хламиду в ближайшей деревне. Куртку же до времени в мешок спрячем. А то ты сейчас смотришься то ли как заблудившийся комиссар, то ли как самокатчик без мотора. И вообще – харэ болтать. Нам еще топать и топать. Так что двинули.

Ну, мы и пошли. Старались двигаться не по дороге, так как Бурцев в своем поскрипывающем одеянии выглядел довольно вызывающе. От этого я несколько бздел и старался не попадать никому на глаза. Ближе к сумеркам подуспокоился и стал присматривать место для ночлега. Дорога в результате моих метаний осталась где-то далеко в стороне, и мы топали по какому-то совсем уж проселку. При этом я рассчитывал, что рано или поздно он нас должен вывести к жилью. В принципе, так и вышло. Небо еще было светлым, когда мы подошли к мелкому хуторку. Дом. Большой сарай (или это овин называется?). Два сарая поменьше. Забора не было. Странно, что живности никакой не видно. Или хозяева всех кур в птичник уже загнали?

Подойдя ближе к хате, я громко сказал:

– Добрый вечер! Ау! Хозяева есть дома?

Пару секунд была тишина, потом в доме что-то уронили (густой бас выматерился), и в открывшейся двери появился бородатый мужик. Какое-то время он оглядывал нас, оглядывал округу, после чего, сплюнув, спросил:

– Чегой-то надоть?

– Еще раз – добрый вечер! Мы из Сухума, до дому пробираемся. Вот, хотели узнать, нас на ночлег, в сарай, не пустите?

Хозяин, еще раз сплюнув, резюмировал:

– На х..!

Спать во чистом поле совсем не хотелось, поэтому зашел с другой стороны:

– Так мы же не просто так. Заплатим за ночлег деньгу малую…

Бородач почесал кудлатую голову и, подозрительно разглядывая фигуру студента, поинтересовался:

– А ентот, что в кожане? Комиссар?

Проклиная про себя хиппующего Бурцева, я возразил:

– Какой комиссар? Это пацан – племяш мой. Ему еще зимой, на именины, обнову подарили. Вот и форсит…

– Оружие есть?

– Вы что? Откуда у нас оружие? Мы законопослушные люди!

Мужик еще раз как-то оценивающе посмотрел на Серегу и задал совсем некорректный вопрос:

– А деньги есть?

Мне столь странный подход совсем не понравился. Обычно селяне, встреченные нами в пути, были гораздо более дружелюбными и не столь борзыми. А этот бирюк, живущий на отдаленном хуторе, ведет себя довольно странно. Не зря чувство опасности у меня ворохнулось, как только увидел сего персонажа. Но так – слабенько. Гораздо меньше, чем когда я на аэродром собрался идти. Ладно… не в степи же в самом деле ночевать? Погода не та. А мужика мы всегда разъяснить сумеем. Поэтому, не меняя приветливо-просящего выражения лица, ответил:

– Немного есть. За ночлег заплатить хватит. Ну и если ужином угостите, так вообще хорошо будет…

Бородатый ухмыльнулся и, буркнув под нос: «Кожан хорош…» – приказал:

– Ждите здеся. Я щаз.

После чего ушел в дом. Интересно, куда он двинул? За свечкой, что ли? Обдумать мысль не успел, так как появившийся в проеме хозяин приказал:

– Ходи сюда.

Пройдя в хату мы, подталкиваемые бородатым, вошли в комнату. А там, за столом, сидели еще двое. Несколько свечей давали неплохое освещение, поэтому разглядев не только их заросшие рожи, но и убранство стола, на котором, помимо продуктов, стояла бутыль с чем-то мутным, я восхитился:

– Хорошо сидите!

Один из сидящих отрезал:

– Не про твою честь! – и, обращаясь к собутыльнику, заметил: – Во! Гляди, Ляксей, какой дён сёдня рыбный! После полудни один приперси. К вечору еще парочка появилась. Ну тот-то понятно – краснопузый. А енто шо за птицы?

Блондинистый Ляксей лишь криво улыбался, глядя на нас, зато хозяин пояснил:

– Гуторят, шо путники. На постой просились. Но ты, Мирон, глянь, кака на сопляке справная одёжка.

Ошарашенный студент молча слушал беседу, но как только речь зашла об его обнове, встрепенулся:

– Не отдам! Хоть убейте!

Мирон покладисто согласился:

– А и убьем. – После чего откинул тряпицу, прикрывающую лежащий на столе наган, и, схватив револьвер, подскочил к нам, заорав:

– А ну сымай кожан, паскуда! Сымай, покеда не пристрелил!

Все его внимание было сосредоточено на Сереге, а от меня он почему-то никаких действий не ожидал. Да и чего тут ожидать – тут, как я понял, принято бояться «человека с ружьем» и выполнять все его требования.

Поэтому, когда я ударом слева, по руке, выбил оружие, а правой влепил в прикрытый бородой подбородок, он улетал с каким-то изумленным выражением лица. Я же, не поворачиваясь, ногой долбанул стоящего за спиной хозяина. Попал по хозяйству удачно. Сзади лишь всхлипнули и мягко обрушились на пол. Ляксей за это время успел три раза моргнуть. Потом ступор с него спал, и он суетливо полез в карман, но увидев мертвящий провал ствола «люгера», направленный в голову, застыл. Подбадривающе ему подмигнув, я предложил:

– Давай, родной! Показывай, что там у тебя. Осторожненько. Двумя пальцами доставай.

А увидев, чем именно мне хотели грозить, чуть не рассмеялся. Такой здоровый парняга и такой маленький револьверчик. Что-то типа «Бульдога». При этом, подталкивая свое огнестрельное недоразумение по столу в мою сторону, он еще и обиженно вякнул:

– А Митрий говорил, что у вас оружия нема…

– Я его обманул. Ладно, что тянуть. Ложись на пол. Руки положи на голову…

Ляксей взволновался:

– Э! Э! Ты чаво задумал?

На что я с ухмылкой ответил:

– Даже не надейся, противный. Шмонать тебя буду. А потом и дружков твоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Консерватория – Военная академия МО РФ (бывшая военно-дипломатическая академия).

2

Реально – первым председателем Временного правительства был князь Георгий Евгеньевич Львов.

3

Горняшка (сленг) – горничная.

4

Игорь Иванович Сикорский.

Купить: https://tellnovel.com/konyushevskiy_vladislav/boevoy-1918-god

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити